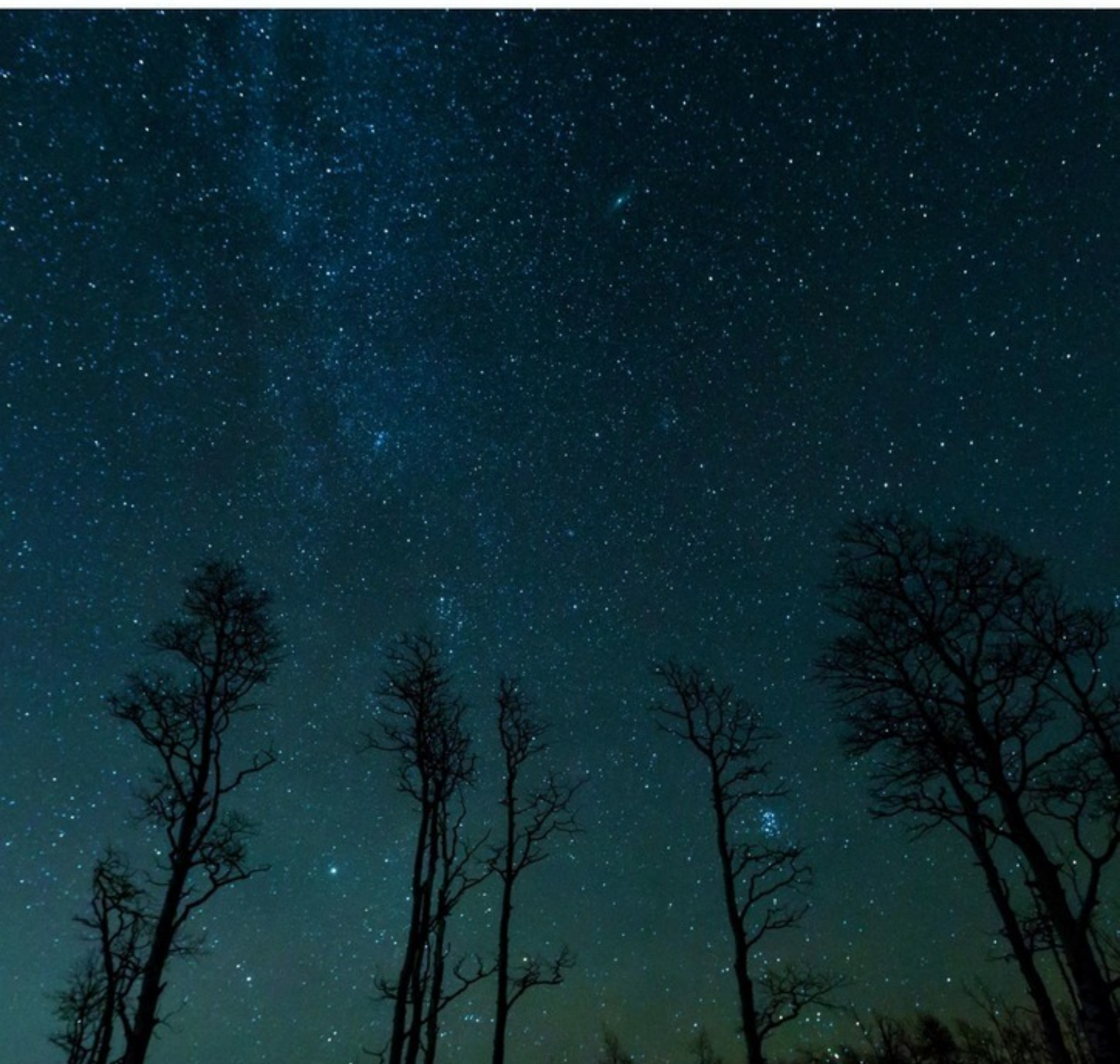

ВАЛЕНТИНА ДУМАНЯН

Обсессивный синдром

Валентина Думанян

Обсессивный синдром

«Издательские решения»

Думанян В.

Обсессивный синдром / В. Думанян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939557-3

Это неординарная история о человеке, который оказывается в исключительных обстоятельствах. Это жизнь молодой девушки, что окажется в одном из самых страшных мест за всю историю человечества. Куда приведет ее поиск справедливости и боль утерянной любви? Останется ли она человеком и не потеряет ли себя в тяжелое время Второй мировой? Роман уникален тем, что это не биографические воспоминания, а художественный вымысел, вплетенный в канву реальных исторических событий.

ISBN 978-5-44-939557-3

© Думанян В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. ЛЮБЛИН	7
Часть 2. МЮНХЕН	17
Часть 3. ОСВЕНЦИМ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Обсессивный синдром

Валентина Думанян

© Валентина Думанян, 2019

ISBN 978-5-4493-9557-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои данного романа, кроме Йозефа Менгеле, вымышлены. Хронология исторических событий соблюдена, но в силу художественности книги, могут быть фактические отклонения и неточности.

Предисловие

Я сижу на светлой веранде в удобном кресле. На мои старушечьи руки падает луч солнца. На них еда видны небольшие шрамы. Кот нежится у меня в ногах. Он меня постоянно отвлекает от раздумий, балуясь с кисточкой пледа. Передо мной стоит черный ноутбук – подарок внуков. Они подарили мне его ещё на то Рождество, но он долго постоял без дела, а теперь я решила использовать его, чтобы написать свои воспоминания.

Мою старость можно назвать идеальной, если старость может быть таковой. Я счастлива, у меня большая дружная семья, много внуков, правнуков. Я доживаю свои последние дни в собственном большом красивом доме, где прошли лучшие годы моей жизни.

Я чувствую, что мне уже недолго осталось, а полностью всей правды о моей жизни до всего этого не знает никто. Мне показалось, что самое время поделиться этим сокровенным, достать из глубин памяти те происшествия, места и лица, многих из которых я уже не увижу. Спустя почти 60 лет мне уже нечего бояться. Пусть моя история будет реквиемом всем тем людям, которых уже нет в живых, и напоминанием тому, кто ее прочтет, о том, что каждый из нас вправе выбирать себе дорогу, по которой пройдет, решать, как поступить и отвечать самому за свои поступки. И пусть мои действия многим покажутся нелогичными и абсурдными, тогда я думала, что поступаю так, как нужно. Это история моей жизни – песчинки в огромной пустыне таких же песчинок, большинству из которых не суждено было прожить свое «долго и счастливо».

Часть 1. ЛЮБЛИН

Все началось осенью 1938 года. Сентябрь был ласковым и теплым. В памяти еще жили дни о жарком лете. Девушки до сих пор ходили в легких сарафанах и босоножках. Я такая юная, мне всего 17, у меня каштановые густые волосы, пострижены под каре по последней моде, зеленые глаза, стройное телосложение. Я красивая. Не Мэрилин Монро, конечно, скорей Вивьен Ли – далеко не идеал, но от недостатка мужского внимания никогда не страдала. Я – горе-биолог, первокурсница, как раз поступила в институт тем летом, ненавидела свою специальность всеми силами души и каждый практикум, глядя в окно на верхушки тополей из окна лекционной аудитории, ставила себе риторические вопросы о том, каково мое призвание и что я здесь вообще делаю?

Когда-то давно, еще в молодости, мои бабушка и дедушка приехали в Польшу из Германии и остались тут навсегда. Бабусе жутко не нравилась Польша, и она до конца своих дней скучала по родине, игнорировала польский язык, как могла и пилила деда, который собственно и настоял в свое время на переезде. Последним актом неповиновения бабушки стало мое имя. Она назвала меня на немецкий манер, а родителей даже слушать не стала, и всю мою сознательную жизнь учила меня немецкому языку, пока не умерла. Так что я – билингв – свободно с детства говорила как на польском, так и на немецком.

Мама с папой познакомились, когда им было по 15. Отец был из семьи поляков, жил с тетей, так как остался сиротой еще в детстве. Несколько лет родители просто дружили, а потом поняли, что жить друг без друга не могут. Они вместе поступили, выучились в медицинском и переехали по распределению в наш маленький поселок. Здесь они много практиковали и со временем заслужили известность и уважение. Особенно отец. Он стал семейным врачом, и именно поэтому мы были на короткой ноге со всеми более-менее влиятельными людьми своего района. Я понимала, что, скорей всего, и меня ждёт медицина, тем более с фамилией отца мне были бы открыты все двери мед училищ, выбирай – не хочу. Я уже видела, как ровненько по полочкам вырисовывалось мое предполагаемое будущее с интернатурой, возвращением в родной пригород и частная практика под руководством родителей до моего глубокого маразма. Даже сейчас меня передёргивает от таких умопомрачительных перспектив.

Но я не я, если бы не пошла наперекор всему. Я, тихоня и скромница, осмелилась тогда высказать свои сомнения родителям. Мама, взгустнув и миллион раз поругавшись с отцом, всё-таки решила меня не изводить, и они оставили меня в покое, за что я им по сей день благодарна. Ведь если юная особа что-нибудь вбила себе в голову, то это уже не лечится.

С родителями все было решено и это единственное, что было решено в принципе. Куда податься я понятия не имела. Я любила детей. Мне нравилось общаться и нянчиться с соседскими ребятами, они буквально липли ко мне, когда мы играли на улице, я всегда была лидером в играх и старшей среди детворы. Соседи часто приходили со своими ребятами к нам с просьбами приглядеть за малышкой, пока им нужно было по делам либо на работу. Я всегда с охотой сидела с детьми, и мы прекрасно ладили. Помня об этом, я решила на пединститут, хотя и не была уверена на все сто процентов, что это именно то, что мне нужно. Но работа в школе с детишками меня не пугала.

В общем, сроки горели, и я подала документы на биологическое отделение. В чем-чем, а в биологии я была подкована основательно, спасибо родителям. Ровно 2 недели мне потребовалось, чтобы понять, что я сделала не тот выбор, но первый семестр всё-таки доучилась. Потом забрала документы, выселилась из общежития и устроилась санитаркой в больницу рядом со съёмным жильем. Мне помогли мои новоиспеченные друзья, коллеги и близкие люди держаться на плаву, т.к. прийти с повинной к родителям было выше моих сил. И вот

в этот период, длиной в год, в жизни случился большой перелом, и сейчас я благодарна судьбе, что в то время не поступила иначе.

Он был самым красивым парнем на факультете философии. Выше всех, атлетического телосложения, пронзительный взгляд и улыбка, которая, впрочем, была чем-то необыкновенным для его лица, так «часто» он улыбался. Мне кажется, если бы он действительно стал преподавателем философии, то девчонки изучали бы ее от и до, соглашаясь на внеурочные занятия. Да и философия бы стала более востребованной среди абитуриентов. Доминик был спортсменом, активистом и философом до мозга костей. Он никогда не зубрил, просто много читал и понимал, имел свою точку зрения, хотя никогда ее не навязывал.

Мы познакомились на посвящении в общежитии пединститута. Воцарившийся хаос после обливания водой и обсыпания мукой сыграл нам на руку. Мы оказались в той группе, которой повезло больше – наши практически остались чистыми. Хохоча, несколько человек вылетело в пролет и разбрелось по лестницам к комнатам. Его карие глаза сразу прожгли меня насквозь.

– Самое интересное в этой ситуации не то, как мы будем смывать это тесто, а то, чем именно? – хихикнула я, смущаясь.

Действительно, в это позднее время по всему общежитию воду уже выключили на ночь. Он едва улыбнулся одним уголком губ и протянул руку.

– Идём.

Я даже не подумала отказаться, и моя ручка скрылась в его широкой, но, в то же время, изящной ладони. Взявшись за руки, мы проплыли между улюлюкающими и смеющимися первокурсниками, и пошли в его блок. Оказалось, что мы практически соседи, живём на одном этаже. Он достал за раковиной банку воды и начал помогать мне оттирать плечо и волосы от почти засохшего теста. Ему пришлось хуже: почти всю банку я вылила ему на спину, попутно отскоблив от теста рубашку. Пока мы «мылись», знакомство вышло само собой.

– Теперь я обязан узнать, как зовут девушку, которая уже ощупала всю мою спину и не только ее, – и он полусерьезно посмотрел на меня через плечо.

– Не только имя, но и жениться теперь обязан, – как-то нервно засмеялась я и покраснела. – Николь.

– Интересное имя.

– Ничего интересного, – я закатила глаза, – бабуся моя – немка. У них там это имя популярное.

– Значит, ты тоже немка, richtig? – он повернулся ко мне лицом, и у меня скрутило желудок от электричества между нами.

– Не совсем! – увильнула я от ответа и робко улыбнулась не в силах оторвать взгляда от его карих глаз в обрамлении длинных ресниц.

С тех пор мы были не разлей вода. Вместе ходили в институт, встречались на больших переменах в столовой, ходили в библиотеку, готовились к семинарам, готовили вместе кушать в общежитии, бегали на свидания, знали каждый красивый уголок в Люблине, устраивали пикники на берегу Чернеювки; за несколько месяцев мы узнали друг о друге все, что только можно было узнать о другом человеке. Он был в курсе моей ситуации с учебой и поддержал меня, когда я решила уйти. Посодействовал мне и через знакомых я сняла квартиру, парень морально помогал при вступлении в мед. Все складывалось очень даже успешно, казалось, что так будет всю жизнь: мы выучимся, поженимся, заведем детей и будем жить долго и счастливо.

Но нам «повезло» родиться не в то время и не в том месте. Люди начали говорить о приближающейся беде. На улицах, в транспорте и университетских аудиториях, – всюду было

слышно это страшное слово «война». Первого сентября 1939 года Германия напала на Западную Польшу. Весь мир превратился в слух и следил за нашей страной. Доминик помрачнел, теперь в его мозг впитывалась информация совсем не о философии, казалось, что учеба отошла на последний план. Нам было страшно. Молодежь не подавала виду, конечно, ходила на пары, но теперь у всех на устах было лишь одно. Прожив полмесяца в тревогах, случилось еще одно несчастье: с восточной стороны на земли Польши ступили союзные войска. Если Германия от Люблина была далеко, и до нас доносились только отголоски того, что творилось на западе, то теперь мы действительно начинали бить тревогу. Мы еще не знали, чем все это обернется для нас, обычных поляков, для остальных наций, стран, целого мира, но надеялись на лучшее. А бедная моя родная земля уже начинала стонать. Парни толпами убегали на войну, девушки, жёны, дети рыдали, когда ребята сотнями уезжали, бросая их. Хотелось спрятаться, не видеть и не слышать ничего, но ужас и страх читался в глазах каждого прохожего. Все говорили о том, что Британия с Францией на нашей стороне, это вселяло надежду.

Мама стала настаивать на моем возвращении домой, но я уже целый год проучилась в медучилище, куда подала документы, бросив пединститут. Но моя учеба держалась на волоске, в режиме оккупации закрывались все культурные, образовательные учреждения. Так мы пока и жили – как на иголках. Все ещё пытались учиться, время шло. Я держалась за Доминика, он был моей опорой и не давал мне впасть в отчаяние. Любимый познакомил меня со своей семьей – родителями и братом. Это была веселая и дружная семья, которая покорила мое сердце при первой же встрече: отец, мать и младший брат. Когда после знакомства мы шли домой, я даже созналась Доминику, что, наверное, любовь с первого взгляда есть, и это я сейчас о его родных. Он засмеялся и только крепче меня обнял.

Януш, отец Доминика, – профессор гуманитарных наук, – был человеком интеллигентным, открытым и честным. Он весьма резко отзывался о политике Третьего рейха, к которому уже успели присоединить западные и северные земли, о преследованиях евреев и перед своими студентами редко сдерживался от негативной критики. Вскоре, после очередного выпада в сторону нацистов, кто-то доложил о нем. Арестовывать его пришли прямо к ним домой, на глазах всей семьи. Мать Доминика оббила все пороги чиновников, но так и не узнала, что его ждёт. Зато Доминик и Лукаш, его брат, уже давно знали, куда отправят отца за непокорность, но не говорили об этом вслух при матери, у нее было слабое сердце. Но со мной он поделился, взяв с меня слово, ни при каких обстоятельствах ничего никому не говорить. Это было страшное время для семьи Доминика, а, значит, и для меня тоже.

Плюс ко всему Люблин превращался в один из крупнейших центров депортации. Сюда сгоняли всех неудобных фашистскому режиму людей и переправляли в лагеря. Это все творилось на наших глазах и ввергало нас в шок и ужас. Поляки дрожали, в землях, которые отошли к СССР, начали массово депортировать людей и выселять на отдаленные земли: Архангельск, Коми, Красноярск, Свердловск. Нас же стали брать под список, все товары понемногу стали дефицитными, вся еда была только по карточкам. Даже того, кто не особо нуждался, прижало основательно. Молодежь вывозили на работы в Германию. Я начала сильно беспокоиться за родителей, но их вроде бы пока не трогали, врачи были нужны. Правительство Польши давно уже спасло свою шкуру и выехало в Британию.

Голова болела от таких перемен, переживал за каждого знакомого тебе человека. С каждой походкой фашистов со списками поляков, знакомых ставало все меньше и меньше. Кто не хотел повиноваться – расстрел. Меня все чаще посещали мысли о том, что нужно возвращаться в поселок, что-то предпринимать, защитить родителей, если нужно будет.

Я не смогла перейти на второй курс училища, его закрыли, такая же участь ждала основную массу образовательных учреждений. Немцы решили, что полякам совсем не нужно углубляться в науку, достаточно знать азы математики, немного уметь читать и писать по-немецки и все. В отличие от меня, Доминик на третий не перешёл по собственной воле. В тот день мы

долго сидели на нашем любимом месте у реки в углублении скалы, которая скрывала это место от посторонних глаз. Здесь когда-то кто-то посадил кусты жасмина, потому здесь всегда пахло ими, а цветок напоминает мне до сих пор о любимом и о юности.

– Николь, давай поговорим. – Его серьезность никогда меня не пугала. До теперь.

– Я знаю, что ты хочешь мне сказать.

Я не могла, не могла посмотреть ему в глаза. Мне было страшно, обидно и досадно.

– Хорошая моя, ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы понять, что я не могу остаться в стороне. Особенно после того, как они поступили с отцом. – Он проговорил это тихо, но уверенно.

Бесполезно говорить с человеком, который долго и тщательно обдумывал план действий и все давно решил. Ещё бесполезнее предполагать, что этот философ-гуманист вот так за одну ночь взял и изменил своим идеалам, скорректировал собственное мировоззрение. Это происходило долго и под немислимым давлением, о котором я только могу предполагать. Но перемены в нем были заметны ещё в самом начале волнений. Теперь, сидя тут, в последнем тихом и полностью нашем уголке Люблина, вдыхая ароматы жасмина, я понимала, что по-другому поступить он не сможет. Глупо было думать, что этого разговора не будет. Только вот я не смогла к нему подготовиться.

– А о матери ты подумал? А что со мной будет, ты уже решил за нас? Я тебя хорошо знаю, чтобы спорить с тобой, но не поддерживу тебя никогда! – мои глаза моментально налились слезами.

– Это то, что я должен сделать в первую очередь. Было бы странно, если бы моя невеста сказала мне «давай, убирайся на войну, пусть тебя там починят слегка, а я тут уж как-нибудь сама».

Я в недоумении вскинула бровь.

– Невеста?!

– Это то, что я сделаю во вторую очередь.

Он взял меня за руку, сел на одно колено, сорвав цветок жасмина. У меня мигмом подскочила температура, и сердце застучало в висках, зашумело в голове, а, может, это шумели воды Чернеювки.

– Выходите за меня, Николь, я вас очень люблю и постараюсь не подвести.

На окраине Люблина стали строить крупный концентрационный лагерь, куда на работы сгоняли многих заключенных. В городе все сидели тихо, боясь дышать, ведь в этот будущий лагерь мог попасть каждый из нас за малейшую провинность. Теперь я понимала, почему Доминик рвется в бой: лучше пасть на войне за родину, чем сгнить в таком вот лагере. Теперь и мне казалось лучшим вариантом куда-нибудь уехать. Вот только куда?

Стоит ли говорить о том, что мы не поженились, просто дали друг другу обещание встретиться после войны на земле или на небе. Он наказывал мне оставаться в городе, что бы ни случилось. Я не хотела сидеть, сложа руки, но в Люблине подпольно училась ещё год. На таких вот незаконных сборищах я познакомилась с Ханной – девушкой-солнцем, наши молодые люди тоже оказались знакомы между собой.

В памяти остались провода любимого на войну. Перед этим я не могла найти себе места, постоянно была рядом с Домиником, меня всю трясло и кидало то в холод, то в жар. Я осознавала, что могу больше его не увидеть, потому пыталась запечатлеть в самом сердце эти карие глаза, длинные ресницы, острый нос, красиво очерченные губы, выщипанные волосы непонятного цвета. В зависимости от освещения, они всегда были разного оттенка. Доминик тоже понимал всю серьезность ситуации, не мог насмотреться на меня. Наверное, он чувствовал примерно то же самое. Мне было очень плохо, мы так мало пробыли вместе, так много не сделали, о мно-

гом не поговорили. Когда думаешь, что теряешь человека навсегда, кажется, что жизнь несправедлива, потому что разлучает вас, когда вы только вначале пути.

На перроне он долго меня обнимал, прижавшись щекой к моему лбу, не говоря и слова, а я запоминала его запах. Вокруг были десятки таких же людей, как и мы, на улице прошел дождь, но лужи уже высушивало октябрьское солнце. Последнее, что я сделала, это вставила любимому в нагрудный карман веточку жасмина, сунула свое фото с подписью, поцеловала в губы, а потом он скрылся вместе с поездом. Вокруг ревели молодые девушки, плакали чьи-то дети, нос забивал запах перрона, а я замёрзла так, что руки казались ледяными. Я засунула их под мышки, чтобы согреть и только тогда почувствовала, насколько стала одинокой. Всю меня словно вывернуло наизнанку, я не знала, куда дальше пойду, и что буду делать. Эти ребята уехали в неизвестность, чтобы попытаться выбраться из оккупированной Польши и стать в бою против фашистов в ряды армии другого государства. Им было хуже, чем нам, покинутым женщинам, но внутри осталась тошнотворная ноющая пустота. Я не хотела верить в то, что это была наша последняя встреча с любимым, этого просто не могло быть. Это был страшный сон. Доминик всецело принадлежал мне и должен был вернуться. Просто обязан!

На перроне я встретила свою знакомую Ханну. Она просто бредила медициной, училась ранее в параллельной группе до закрытия, и в один день со мной провожала своего парня Антони на войну. В тот день домой мы ушли вместе, перепрыгивая через лужи, долго-долго говорили и пили много какао, хотя до этого даже близкими подругами небыли. Тогда она нуждалась в моей компании так же, как и я в ее. Просто невыносимо было остаться наедине со своими мыслями и страхами.

Но жизнь продолжалась, мы ходили на так называемые пары, которые нам давали оставшиеся в городе преподаватели, слушали лекции. Доминик мне писал по мере возможности о парнях, которые уехали со страны, таких же как он, много кто из них не доучился, некоторые ушли на войну, разругавшись с родными, некоторых близкие наоборот поддержали. Многие оставили любимых в родных городах, селах.

«Здесь нет супергероев, моя душа, – писал Доминик, – здесь все в равных условиях. Автомату, гранате и танку все равно, кто ты и что из себя представляешь. Все терпимо, но невыносимо без тебя. Я отдаю себе отчет в том, что сам сделал выбор, но меня греет мысль о тебе, что мне будет к кому вернуться. Я не знаю, как смогу разыскать отца, удастся ли мне это, ведь я даже не в той стране, но я приложу все усилия, чтобы спасти хотя бы отцов и матерей других людей. Будь осторожна, Николь, пожалуйста. Я знаю твою сумбуриность, поэтому и переживаю. Береги маму и брата. И помирись со своими, поговори. Поверь, сразу от сердца отляжет. Если станет слишком опасно, езжай к ним. У меня болит душа от тоски, когда я смотрю на твою фотокарточку. Люблю тебя, помни об этом. Твой Доминик».

Я не знала, как реагировать на его просьбы: к его родным я навевывалась часто, хоть они и жили на другом конце города. Мне всегда было легко с ними, и я любила бывать у них в гостях. Они относились ко мне, как к законной невестке. Его брат был так непохож на Доминика – весь в отца. Он поступил в юридический и мечтал стать адвокатом. Но его училище уже закрыли, и парень пока сидел дома. Мама была веселой и миленькой невысокой женщиной, она со всеми находила общий язык. Было странно, что такая миниатюрная женщина мать двух крупных высоких парней. Мы с ними часто обсуждали новости с фронта, письма от Доминика и делились своими наблюдениями.

Что касается моих родных, я не знала, что делать. Мне очень хотелось их увидеть, я не так уж сильно провинилась перед ними, тем более училась уже в медицинском, как они и хотели. Но, почему-то мне казалось, что если я вернусь туда, то болото провинции затянет меня, вцепится своими грязными липкими пальцами мне в ноги, и я застряну там навсегда.

С другой стороны, так хотелось уткнуться отцу или матери в плечо и отпустить ситуацию, поделиться наболевшим.

Глубоко внутри меня сидела маленькая девочка, которая просто не хотела расставаться с городом, в котором все так напоминало о Доминике. Находясь здесь, я как бы еще чувствовала его присутствие, часто ходила на наше место, вдыхала ароматы жасмина. Ханна поддерживала меня, мы довольно крепко сдружились. Получив письмо, каждая из нас сразу делилась новостями с другой, наши ребята старались держаться вместе. Это объединяло наши радости и горести.

«Завтра важный бой. Что будет дальше, боюсь пока предполагать. Не переживай, т.к. письма будут идти теперь дольше и с других адресов. Но я всячески буду пробираться к тебе с весточкой даже за миллионы километров. Все будет хорошо, моя дорогая. Я обещаю. Мы еще сыграем нашу свадьбу, и на ней будет много-много гостей».

Потом письма почти прекратились. Совсем изредка я получала весточку с совсем неожиданных населенных пунктов, и отмечала их на карте, купленной специально для этих целей. Я жила от письма до письма, каждую ночь перед сном думала о том, как там сейчас моя любовь, что ему предстоит, как нам выдержать это все. Я не имела права раскисать, но держать себя в руках было очень трудно.

А потом писем не стало совсем. Я ходила целыми днями как сонная, не могла сконцентрироваться на учебе, не хотела ни с кем разговаривать. У меня постоянно сохло во рту от нервов, было такое чувство, что меня постоянно бил озноб. Садясь за книгу, я не видела страниц, мне снились плохие сны, я ободрала кожу вокруг пальцев в кровь, сама того не замечая. Мне стало все равно на мой внешний вид. Все, что меня интересовало в те дни – это газеты, местные новости и разговоры на улицах, случайно услышанные. Но нигде ничего мне не мог сказать о Доминике и эта неизвестность меня просто съедала. У Ханны была та же история, но она, отдаю ей должное, держалась молодцом и успевала всегда подбодрить меня. Она вообще была исключительной девушкой: настолько оптимистичных и жизнерадостных людей я не встречала. Когда она смеялась, то заражала смехом всех вокруг, с ней было легко и весело.

Ребята с меда, которых еще не забрали насильно, массово бежали на войну, многие профессора уехали, других достал нацистский режим, о них мы ничего больше не слышали, немцы ни перед кем не отчитывались. За две недели до того, как накрыли наше подпольное училище, ко мне прибежала бледная Ханна, держа в руке с обтрепанное письмо от Антони. Я села прямо в коридоре и начала читать. Сначала я не могла сконцентрироваться на тексте письма, и зрение выхватывало лишь отдельные слова: «...так случилось», «...прости...», «долго не писал...», «передай Николь...», «...это я виноват».

Я с досады начала хлопать себя по щекам, чтобы перестать плакать и собраться, мне было ничего не видно за слезами, как будто мой мозг из этих крошечных слов уже составил картину и выдал результат. Ханна упала около меня на пол коридора, обняла за шею одной рукой, второй взяла письмо и начала читать, сразу найдя нужные строчки. Ее голос звучал тихо, настойчиво открывая мне горькую правду: *«Две недели назад мы потерпели поражение и поспешно отступали. Все перемешалось – машины и люди, враги и наши ребята. Я знал, что у Доминика оставалась граната, и он собирался не упустить свой шанс. Но возможность вовремя убежать от взрыва у него была. Но тут танк рядом с ним подорвался, откинув меня взрывной волной. Очнулся я сперва там же на поле, хотел броситься искать друга, но в голове зашумело, и я, наверное, снова потерял сознание, потому что очнулся уже в госпитале через 2 суток после взрыва. Сразу спросил о Доминике, но никто его не видел и в той суматохе уже не стал искать, ведь мы поспешно сдавали позиции. Ведь попасть военнопленным в руки немцам куда хуже смерти. Ханна, передай Николь, что я очень сожалею, что не уберег его. Он был мне братом здесь и останется им навсегда. Много я повидал на войне за такой короткий срок, но только осознание того, что я потерял друга, заставило меня плакать. И я не сты-*

жусть этих слез. Еще раз прости, Николь. Я тоже его очень любил. А он любил тебя. И перед каждым боем он целовал твою фотокарточку».

Мы сидели на холодном полу в коридоре очень долго, молча, я тупо смотрела в одну точку. Я не чувствовала затекших ног, рук, спины. Мне было плевать на свой дискомфорт. Ужас и отчаяние сковали мерзкими железными лапами мое горло, тело и душу. В голове не было ни одной мысли. Я могла бы все бросить, плыть по течению, затаиться и пытаться не дышать всю свою оставшуюся жизнь, но через два дня у меня уже был план, я видела свое будущее, и знала, ради чего буду рисковать. Доминик хотел отомстить за отца, ради него он пошел на войну. Я не хоронила Доминика, не видела его... неживым, мое сознание протестовало против того, что я узнала, поэтому решила, что для нас еще не все кончено. Но оставаться тут и бездействовать, когда моя растерзанная страна терпела такие зверства, я больше не могла. Сейчас было важно найти две вещи: общий язык со многими полезными людьми и деньги. Много денег. Первое мне казалось сложней, но я решила попытаться.

В тот день мне нужен был мой профессор, он пока оставался здесь, в Люблине, и чудом еще не попал под немецкую чистку. Мы были в хороших отношениях, он часто мне помогал, видел во мне хорошего врача в будущем. В медицинских кругах он был человеком популярным, уважаемым, и мне было страшно предложить ему то, что я собиралась. Но пути назад уже не было.

– Здравствуйте, профессор! – я зашла в кабинет. – Мы договаривались о встрече.

– Ах да, Николь, здравствуй, присаживайся. – Он немного привстал со своего места показать мне, куда садиться. Мужчина всегда был приветлив и очень подвижен, несмотря на уважаемый возраст. Седые волосы и темные брови создавали странный контраст, а зеленые глаза были как у юноши – с искорками, совсем молодые.

– Чем могу служить, юная пани? Если Вы по поводу лекции, которой не было, то передайте оставшимся студентам, пусть не беспокоятся. – И он негромко засмеялся.

Я попыталась выдать из себя улыбку, мои вспотевшие ладоши говорили мне о том, что я напряжена до предела.

– Хочу с Вами поговорить о моих планах на учебу в дальнейшем. – Я должна была как можно более деликатно подойти к этому вопросу. – Понимаете, я бы хотела получить солидную практику. Не здесь, где-нибудь дальше, у зарубежных врачей.

Бровь профессора полезла вверх.

– Вы не подумайте, – продолжала я, – безусловно, отечественная медицина заслуживает уважения, но я бы не отказалась поучиться у коллег вне нашей страны. Тем более, если учитывать положение Польши, где я даже не смогу отучиться положенные годы, не говоря об интернатуре...

Я не договорила, мою несвязную речь оборвал профессор.

– Значит, положение Польши учитывать? – его раздражение набирало оборотов, и было видно невооруженным глазом, я уже сомневалась в том, что сюда вообще стоило приходить с такими разговорами.

Он посмотрел внимательно на меня и спросил:

– Ну и куда же вы намерены ехать практиковаться?

И тут, я поняла, что все кончено.

– Германия, выдохнула я.

Стук моих каблуков эхом разносился по пустым коридорам. Он не дал мне ничего объяснить, просто выставил за дверь. Неужели на этом все? Но ведь есть много других профессоров, академиков, не стоит пасовать перед первой же неудачей. Но меня так трясло, что все рациональное выветривалось у меня из головы. «Что же делать, что же делать?», – носилось в мыслях. На что я, глупая надеялась? В разгар войны ехать в кодро врагов изучать практическую

медицину – это весьма сомнительно звучит и выглядит, по меньшей мере, странно. Здесь попахивает предательством. Он вообще меня может сдать, как врага народа, никто и не посмотрит, что мне всего 20 лет. Евреев забирали даже младенцами, наши ребята вон героями на фронте и в 17 становятся. А что сделала я?

В тот же вечер я поступалась в квартиру №18. Открыла дверь молодая девушка. Я попросила ее папу уделить мне время. Наверное, он догадался, что это снова пришла я, но принял меня в своем кабинете, ничуть не удивившись. Вот теперь я выложила ему все начистоту. Кто я, где мой жених, кто его отец, почему мне нужно в Германию и как я собираюсь оттуда легально вернуться в Польшу, зачем мне немецкие врачи и почему это должно быть в строжайшем секрете. Он долго и напряженно слушал меня, изредка задавая вопросы. Мужчина знал, на какой риск идет, подсылая меня к фашистам и подставляя себя, затея могла не сработать, выдав с головой меня и его, как соучастника преступления. Но что-то в моем тоне, либо в моем рассказе его зацепило. И он отправил меня домой, дав слово подумать. Я написала ему адрес своих родителей. «Через несколько дней дайте знать, согласны вы или нет», – сказала я ему, уходя. Я бы поняла, если бы он отказался.

Вещей у меня было немного, несколько платьев, белье, обувь самая разная, косметика. Моим самым ценным грузом были деньги. Кое-что я откладывала все это время еще со времен, когда подрабатывала санитаркой, стипендия. Но это был мизер по сравнению с тем, что отдали мне родные Доминика. Перед отъездом я заехала к ним попрощаться. О своих планах сказала немного, мол, делаю документы и уезжаю. Так надо. Буду искать вашего отца, хотя шанс найти его вообще живым или мертвым был один на миллион. Мама начала рыдать, она не оправилась еще после новостей о сыне, плюс ко всему и от Лукаша, младшего брата, уже что-то было нужно нацистам. И тут я уезжаю. Женщина дала мне часть своих сбережений, не принимая никаких возражений: «Я остаюсь одна, мне не нужно столько денег, а тебе, девочка моя, они еще понадобятся». Видя ее слезы, мне было очень плохо, Доминик бы не одобрил, того, что я собиралась делать, но я не могла поступить иначе. Теперь у матери оставался лишь меньший сын, на которого была вся надежда. Но и его могли в любой момент забрать на фронт.

Домашние были в шоке, когда я приехала, ведь я никого не предупредила заранее. Мама очень обрадовалась, хотя и почувяла что-то неладное. Родителей я поставила перед фактом, что еду за границу. Куда, как и когда, я не осмелилась пока вываливать, а с отцом поговорить пришлось. Мне нужно было, чтобы он организовал мне встречу с одним чиновником с верхушки руководства. Их пока не особо трогали фашисты, и на местах местных шишек все еще сидели поляки, они, как я слышала, подписали какие-то бумаги, что согласны с политикой рейха или что-то в этом духе. Папа был семейным врачом одного чиновника и даже бывал у него на званом ужине, этот шишка был обязан отцу за спасение своего сына. Поэтому я очень надеялась на этого человека, какими бы дерзкими не были мои планы. Отец был упрям, как я, и напрочь отказался мне помогать, пока я не сознаюсь, что у меня на уме. Я поняла, что с отцом юлить не получится и выложила ему почти все, за исключением маленьких деталей. Мне действительно нужен был этот чиновник для того, чтобы помочь выехать в Германию. Но о том, что в первую очередь, мне нужна другая фамилия и документы, я умолчала. Иначе бы дома разразился скандал. Через три дня я встретилась с этим человеком в общепите, так как обсуждать такую тему на его работе, где у стен есть уши, я не рискнула. Для него у меня тоже была готова история, будто меня принудительно посылают в Германию на практику, о которой говорилось еще до начала войны. И я буквально жила ожиданием поездки, чтобы накопить бесценный опыт, но тут вот такая вот беда. И теперь, чтобы поехать туда безопасно и не вызвать подозрений, я бы взяла фамилию своей бабушки, поменяла бы документы и спокойно практиковалась себе в Германии. Он, казалось, слушал меня в пол уха, наминая куриную котлету и время от времени, поливая хлеб горчицей, кивал иногда, якобы понимая мою ситуацию, но в глаза мне не посмотрел ни разу, пока не перешел к десерту. Я думала, меня стошнит, пока он доест

свою еду. А потом мужчина просто выдал: «Милочка, я многим обязан твоему отцу и останусь в долгу перед ним до конца своих дней. Но ты не думай, что я совсем дурак и не понимаю, что ты хочешь подделать документы и нелегально покинуть территорию Польши. Поверь, все возможно, за определенную плату, но учти, что за пределами нашего государства ты будешь сама за себя. И никто тебе не даст гарантий, что ты успешно выедешь и не вызовешь сомнений у немцев. Сейчас идет война, дорогуша».

Мне не нужно было этого говорить, я прекрасно знала, что меня ждет, чем я рискую. Оставался открытым финансовый вопрос. Когда он назвал сумму, у меня глаза на лоб полезли, хотя я готовилась к тому, что она будет немаленькой.

Убитая я поплелась домой. Отец, увидев меня в таком состоянии, сразу же поволок в свой кабинет и стал расспрашивать о встрече. Когда я сказала ему, сколько будет стоить выехать за границу, он аж присел. Долго еще ходил по кабинету, а потом молча открыл сейф и достал оттуда большой конверт.

– Эти деньги мы с матерью отлаживали тебе. На учебу, либо на свадьбу, в любом случае они бы попали к тебе в руки. Так что, дочь, распорядись ими на свое усмотрение, но чтобы я потом не жалел о том, что дал их тебе сейчас.

Я сидела и тарасилась на увесистый конверт, пока смысл слов отца доходил до меня. Я не могла пообещать ему, что он не пожалеет, но, по крайней мере я не была предателем своей родины, а свадьбу в ближайшее время мне все равно не сыграть. При мысли о Доминике, меня снова будто подбросило и швырнуло о землю, и я дала волю слезам. Папа уже знал о Доминике и понял причину моих слез. Он не сказал ни слова, а просто подошел и обнял, целуя меня в макушку.

Николетта Нойманн. Под этим именем я выеду в Германию. Новые документы были у меня уже через несколько дней. Очень быстро. Но профессор до сих пор не звонил, и я начала беспокоиться, ведь тогда пришлось бы начинать все заново и оббивать пороги малознакомых мне светил медицины. Каждую секунду я была как на иголках, снова искусала все ногти и мало ела. Постоянное чувство тревоги съедало меня изнутри. Ханне перед отъездом я оставила свой домашний адрес, ведь если будет какая-нибудь весть, меня уже в съемной квартире никто не найдет. Ханна обещала навещать по старому адресу время от времени, узнавая, нет ли почты для меня. Я пригласила ее в гости и пару дней она гостевала у нас в поселке, отвлекая меня от грустных мыслей. Я ничего ей не сказала о том, куда уеду, поэтому она думала, что я хочу отправиться вслед за ребятами на передовую медсестрой в госпиталь. Училище все равно закрыли, и нам нужно было чем-то заниматься.

– Я пойду медсестрой с тобой, чем я хуже? – как-то не выдержала она. – Я не боюсь, Антони меня бы понял и поддержал.

– Ханна, мне тоже не хочется с тобой расставаться, но я планирую совсем иначе себя проявить.

– Чего ты боишься, поделилась бы с подружкой? Что здесь такого? – она испытующе посмотрела на меня и почти обиделась. – Можно подумать, я не знаю, что ты едешь искать его... Меня так и передернуло. Я не отпустила ситуацию с Домиником, он снился мне каждую ночь, как и немцы, которые снимают меня с поезда и бьют за фальшивые документы, еще грезились какие-то монстроподобные существа, которые оперируют меня в сознании. Наверное, так и есть, я действительно уезжала, что бы быть ближе к нему. Кто знает, может, он жив, может, он ранен, может, он в плену. И еще тысяча таких «может». Конечно, я знала, что сразу где-нибудь на первой остановке поезда он не станет у окна и не улыбнется мне, но лучше было думать о нем так, чем представлять его мертвым. Тем более он действительно мог остаться в живых, и мы бы пересеклись с ним, ведь мир тесен.

А потом позвонил профессор: «Все решено. Приезжай завтра за инструкциями». Сидя в автобусе, я не знала, ликовать мне или начинать бояться. «Пути назад нет, теперь только вперед, поздно уже бояться», – примерно такие мысли роились в моем воспалённом мозгу. Мы уехали к профессору на дачу, подальше от сторонних ушей и обсудили план. Оказывалось, профессор за меня поручился, представил меня как юную немку, которая хочет вернуться на историческую родину под предлогом изучения медицины у первых медиков страны. К его рекомендациям прислушались в столице, куда обращались они дальше, я даже спрашивать не стала, но план сработал каким-то немислимым образом: я еду в университет в Мюнхене к доктору Йозефу Менгеле. Он первоклассный специалист и ему нужны помощники для опытов, у него была пара проектов, которые он хотел осуществить в ближайшие годы. Что конкретно это были за проекты – не афишировалось. Но мне было не важно, главное, я еду. Имя Менгеле мне мало что говорило, я даже не могла припомнить, где слышала его, может, в газете когда-то увидела, либо в библиотечной книге, справочнике. Этого я уже не могла вспомнить. Но теперь мне предстояло углубленно ознакомиться с деятельностью Менгеле, чтобы изображать искреннюю заинтересованность его трудами и не опростоволоситься в Германии.

Времени на сборы не было. Сумки и так были почти не разобраны. На нервной почве я прекратила есть вообще. А иногда на меня что-то находило, и я ела как не в себя, мучаясь потом болями в животе. Родители были очень серьезными и встревоженными, но с поучениями ко мне никто не приставал. Уже перед посадкой на поезд я дала телеграммы Ханне и Лукашу. Больше мне некому было писать. Да и говорить было нечего. Теперь связь со всеми родными и близкими обрывалась. Я должна была отказаться от любого намека на то, кто на самом деле я такая и зачем еду в чужую страну. Теперь я другой человек с новым именем, новой историей, новой родиной. Из самых личных вещей я рискнула взять с собой только фото родителей и Доминика. В гражданском. Ибо риски были велики и на кону – моя жизнь. Все письма, которые он успел мне написать, я аккуратно перевязала лентой и спрятала в тайнике у себя дома под кроватью, положив к ним цветок жасмина. Я была уверена в этом тайнике, так как не хотела, чтобы эти письма попали на глаза кому-то, кроме меня. Даже матери. Ведь эти треугольнички – единственное, что осталось от моей любви, растерзанной войной.

Еще меня смущал один факт, точнее догадка. Родители тоже что-то собирались делать. Я боялась этого больше всего. Они были сознательными гражданами и патриотами, страна терпела бедствие, и казалось логичным, что такие медики, как они, понадобятся в госпиталях. Но терять их я была не готова. Наверное, так же, как и они меня. Но еще на медиков такого уровня покушались и нацисты. Уезжав из родного дома, я рисковала не увидеться больше с родителями. Но и оставшись дома, я тоже могла подвергнуться опасности. Мое сердце разрывалось на части, но я должна была попытаться счастья и не сидеть ровно в одном месте. Настала ночь перед выездом, но мне не спалось, я все думала и думала, прокручивала в голове возможные варианты развития событий там, в Германии, как мне себя вести, что говорить, с кем укреплять отношения. Мне непозволительно теперь было выдать себя словом, взглядом, жестом, я должна была полностью контролировать себя, игра была опасной. Точнее, это была совсем не игра, а хождение по лезвию и риски были просто сумасшедшими.

Часть 2. МЮНХЕН

Все ближе к Германии людей становилось меньше и меньше, а разрушений все больше. Через несколько часов мне предстояла пересадка и граница. Приближаясь все ближе, сердце мое колотилось и выскакивало из груди, так что на границе я уже еле дышала. Молодой пограничник очень долго изучал документы Николетты Нойманн, потом спросил на ломаном немецком (почему он не обратился на польском, для меня до сих пор загадка):

– Вы немка?

– Да.

– Причина въезда на территорию Германии?

– Возвращаюсь домой. Буду учиться и работать, там же все написано, – киваю я на документы у него в руках и глупо улыбаюсь, хотя в этот момент умереть готова. Он открыл было рот спросить что-то еще, но его кто-то окликнул с пограничников. Там звонко лаял пес, и, видать, назревало что-то незаконное. Он быстро пихнул мне обратно мои документы и не глядя в мою сторону, убежал на лай собаки. Тогда я готова была задушить это животное в объятиях, что отвлекло внимание от меня, хотя видимых причин ко мне придаться я не видела.

Все, я пересекла границу и немного успокоилась. Ко мне вернулась способность трезво мыслить. Очень странно было осознавать, что в этой стране я чужая, без знакомых, друзей, родственников. Я даже не могу им написать, позвонить. В Берлине я села я на прямой поезд к Мюнхену, вот теперь мне предстояла действительно долгая дорога. Мюнхен находится на самом юге Германии почти за 600 км от Берлина. Непривычно было слышать вокруг немецкую речь, и я пыталась поначалу вникать в разговоры. Почти все они были о войне, о фронтовых новостях, о том, кто кого отправил воевать и кого потерял. У женщины напротив сына убило осколком взрывчатки. У ее собеседницы соседского сына даже не смогли похоронить. Множество историй и ни одного человека, кого бы стороной обошла Вторая мировая. От этих диалогов у меня снова в душе поднялась черная, тянущая боль, ведь я тоже потеряла дорогого человека, его забрала у меня эта чертова война. Как такое могло случиться с нами? Мы были юны, влюблены и счастливы, строили планы на жизнь, мечтали о том, как у нас будет много детей. Теперь мне нечего терять, кроме своей жизни, но я разыщу отца Доминика, это мой долг перед любимым. Наконец равномерный стук поезда убаюкал меня, напряжение в теле ушло, и я забылась сном, впервые за долгое время не наполненным ужасом.

Добраться до Мюнхенского университета оказалось легко. Каждый здесь знал его, чьи корпуса раскинулись на весь город. Но мне нужен был главный. Здесь начнется мое представление.

Как есть, прямо с чемоданом, я поплелась ко входу, и люди стали оборачиваться на меня, ведь студенты редко ходят тут с дорожными баулами, точнее, не ходят вообще. Чтобы не привлекать слишком много внимания к себе, я оставила сумку у консьержа на первом этаже, заодно спросив, как мне найти кафедру медицины.

Петляя по коридорам, я не переставала удивляться архитектуре здания, оно было старым, благородно ветхим, что ли. Повсюду висели картины, чередуясь с дверями аудиторий. Тут и там рыскали студенты, на ходу обсуждая какие-то свои проблемы. Несмотря на войну, здесь кипела жизнь, в отличие от моей Альма-матер, где с каждым днём на пары приходило все меньше учащих, пока ее совсем не закрыли.

Дойдя до нужной мне кафедры, я засмотрелась на стенды, которыми были увешаны стены. Чего здесь только не было, я прямо рот открыла, пока не налетела на молодого мужчину лет 30. Он резко затормозил, хватая меня обеими руками за локти, чтобы я не продолжала падать. Он был темноволосый, с тонкими бровями, длинноватым носом и красивыми губами, невысокий.

– Осторожно! – улыбнулся он. – Если это кафедра медицины, совсем не обязательно, что вам тут же окажут медицинскую помощь.

– Я совсем не собиралась калечиться, – мило улыбнулась я, пытаюсь как можно чище говорить по-немецки. Он захохотал, все ещё не отпуская моего локтя.

– Простите, совсем не хочется, чтобы такие красивые девушки ломали себе ноги. – И он наконец-то отступил от меня на шаг.

– Ничего страшного, максимум, на который я рассчитывала – набить себе шишку на лбу. – Он снова засмеялся. Его зубы были белоснежными.

– Томас Фишер, доцент. – Представился он. – Чем могу быть полезен?

– Может, вы слышали обо мне, я приехала к Йозефу Менгеле. Учиться и практиковаться в дальнейшем. Вас должны были предупредить.

– Да-да, – его лицо сразу просияло, – так это вы? Значит, мы тут столкнулись неспроста, я лично курирую подготовкой специальной группы доктора Менгеле. Пройдёмте. Он жестом указал мне на двери кафедры, пропуская вперёд. Когда мы зашли, кафедра пустовала. «И слава Богу», – подумала я. Не хватало сейчас еще знакомиться со всем составом преподавателей и отвечать на любопытные вопросы. Я ещё не пришла в себя после длительной поездки. Мы прошли дальше, к следующим дверям, которые вели в личный кабинет. Чей он, я так и не разглядела на двери, но задерживаться не стала и вошла.

Это был типичный кабинет университетского преподавателя: шкафы с книгами, цветы в вазах, длинный стол и несколько стульев вокруг, на столе ваза с ароматным букетом, несколько ручек, небольшая стопка бумаги. Ничего примечательного здесь не было, кроме образцов черепов на этажерке. Я здорово их испугалась, хотя сама миллион раз видела такое, да и не только. Все черепа были, вроде, обычными. Но что-то их отличало. Томас указал мне на стул, а сам сел напротив, где лежала стопка листов.

– К сожалению, у меня нет документального распоряжения, касательно вас, фрейлейн..., – он заинтересованно посмотрел на меня и сделал паузу.

– Николетта Нойманн. – Ответила я. – Зато у меня есть бумаги. И я протянула ему документы, которые подтверждали, что я прибыла по договоренности под протекцией польских профессоров. Томас изучил документы и взглянул на меня.

– Я не знал, что вы с Польши. – Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Это меняет суть дела? Если вам будет спокойнее, то я – немка, – соврала я, глазом не моргнув.

Мне в который раз за поездку хотелось в раздражении закатить глаза. Какая разница, откуда я? То же самое, что утверждать, мол, я не буду читать эту книгу, потому что ее написал чех, или финн, или американец. Хотя для Германии подозрительность в это время была оправдана. Тут немцы были осторожными, я человек извне, а они собирались посвятить меня во многие внутренние дела.

– Хорошо. В курс дела я пока вводить вас не имею права. Дело в том, что Йозеф Менгеле ещё не присутствует лично в университете, у него есть кое-какие дела. Он, так сказать, – Томас замялся, – поправляет свое здоровье. Через пару недель, думаю, он будет с нами, а с вами заниматься буду я, если вы, конечно, не против. – Он натянуто улыбнулся.

Закрутилась немецкая жизнь. Поселили меня в гостинице в центре Мюнхена за счёт университета. Условия были отличными, жаловаться было не на что. В университете я знакомилась с молодежью, ходила в больницу и вместе с интернами наблюдала больных, много читала, готовилась ко встрече с Менгеле. Томас, надо отдать ему должное, был очень умным, он натаскивал меня, акцентировал мое внимание на том, что мне пригодится в дальнейшем, что стоит подтянуть и подучить, водил меня к больным с «любопытными историями болезней», как он сам любил выражаться. Томас сам был практикующим врачом и мог часами рассказывать много интересного.

Что планировал Менгеле, так никто и не сказал. Мне казалось, что Фишер был не особо посвящен в планы знаменитого доктора, но он сам сильно набивал себе цену. Где-то я даже симпатизировала ему, но было что-то в его повадках, что отталкивало. То ли излишняя нервозность, то ли какой-то слишком настойчивый запах табака. Вполне возможно, что просто на уровне психологии сказывалась моя личная неприязнь к нему, как к немцу. Ему, кстати, действительно было 30, но если не присматриваться, можно было смело дать ему года 24. Меня вроде бы и тянуло к нему, но в то же время я очень его опасалась, кто их знал этих немцев? Хотя Фишер был очень умен, эрудирован, имел тонкое чувство юмора. Мне просто необходимо было приобрести союзника в его лице. Друзья были мне нужны, и хорошие рекомендации тоже. Он не давал мне скучать, снабжая интересной литературой, однажды мы даже сходили в кино, чего я раньше не делала. Возможно, он просто присматривался ко мне, пытаясь понять мои настоящие мотивы. Либо же я себя накручивала. Но я очень нуждалась в компании, иначе сошла бы с ума здесь на чужбине.

Все было относительно спокойно, пока я не подслушала один разговор. Это было в вечернее время. Пары уже закончились, я выходила в библиотеку, а когда возвращалась, сквозь открытую дверь какого-то кабинета услышала разговор двух преподавателей. Говорили они далеко не шепотом, и я могла прекрасно все расслышать. Диалог был о скором приезде Менгеле, о том, что они думают о нем. Потом я услышала, что доктор, как оказалось, был ранен на войне. «Вот оказывается, как он поправлял свое здоровье», – подумала я. Значит, он был в гуще событий до ранения. А потом один из голосов сделался тише и я услышала: «Такую тайну делают из этого проекта. Можно подумать, никто не догадывается, что он собирается калечить заключённых, там же клондайк рабочего материала». Я застыла. В глазах потемнело, и я очень быстро стала уносить ноги от кабинета, держась за стену одной рукой. Что он собирается делать с заключёнными? Какими? Что значит «калечить»? Я не собиралась никого калечить, причинять кому-то вред. Что это будет, тюрьма? Что-то ещё? Мне нужно было совсем не на зону, а в Польшу. Мне было страшно от своих собственных догадок. Что я могла сделать? Убежать не выйдет, я слишком далеко зашла. Единственное, что меня успокаивало, что мне, вероятно, не доверят какую-то серьезную работу, так как я была неопытным интерном, и в мои обязанности будет входить лишь «принеси-подай». Но это мало утешало.

На следующий день я ничего не сказала Томасу. Да и что было говорить? Оставалось молчать. Хоть мне и казалось, что Фишер тоже не в курсе, но признаваться в том, что я хожу и подслушиваю разговоры по вечерам, мало меня привлекало.

Во снах ко мне приходил Доминик. Он был зол из-за моего общения с немцами, его красивые губы смыкались в тонкую полоску, он ничего не говорил, просто качал головой, разворачивался и уходил. А я оставалась одна и плакала. Эти сны настроения не добавляли, но любимый ни разу не приснился мне мертвым. Уже прошло немало времени, казалось, целую вечность назад он делал мне предложение там, на камнях у реки. Ночью меня настойчиво преследовал запах жасмина. Мне не хотелось думать о том, что я больше Доминика так и не увижу, никогда в жизни не поцелую. За всеми этими событиями я не успевала подумать о том, что мне делать дальше со своей жизнью без него?

Его приезд не афишировался, но о нем знали все, ведь с фронта вернулся герой, который спас людей из горящего танка. Это вселяло в меня надежду, что Менгеле обычный нормальный человек, и бояться его не стоит. Ведь не каждый совершит подвиг и спасет людей, рискуя жизнью. Выглядел он вполне прилично, несмотря на недавнюю травму, был среднего роста, яркой внешности, с галантными манерами и улыбался, светя щелью между передними зубами. Руки он постоянно держал в карманах, одет был в военную форму, выглаженную и начищенную,

безупречно улаживал волосы. Мне казалось, что с таким человеком вряд ли мне светит что-то страшное, слишком он был миловиден.

Все были в возбужденном состоянии, носились по коридорам с какими-то папками, без конца забегали к нему в кабинет, тот, в котором стояли черепа. Как я и думала, в этот день нас так и не представили. Томас объяснил это занятостью доктора и кучей не разобранных дел. Я не стала возражать, времени было достаточно. Сам Фишер суетился не меньше остальных. Но на следующий день Йозеф Менгеле сам попросил доцента о встрече со своей группой. Кроме меня в кабинет к нему пришло еще два человека – девушки. На возраст они были чуть старше меня, красивые и ухоженные. К моему удивлению, о моей биографии Йозеф не упомянул, и я предположила, что ему по большому счету все равно. Он познакомился с каждым из нас, рассказал немного о себе, где учился, на чем специализируется, как оставил передовую из-за ранения и решил действовать в тылу. Никакой конкретики, ничего нового. Биографию доктора я давно изучила сама. Он еще говорил о том, что мы сработаемся даже в нетипичных условиях, главное взаимопомощь во имя славы и процветания Третьего рейха. «Ну да, конечно, – думала я, – тюрьма – действительно нетипичное условие для практикантов-медиков. Знали бы вы, что я думаю о вашем родном Третьем рейхе!». И нацистский режим поддерживать мне хотелось в последнюю очередь. Я устала на этажерку с черепами. Эти предполагаемые заключенные никак не помогли мне в достижении целей. Я ведь хотела просто набраться немного опыта, притереться, а дальше действовать независимо и, получив должность, ездить обратно. Не нравились мне все эти затеи, но в моих интересах стоило молчать, как рыба.

Я так ушла в мысли, что не заметила, как кабинет опустел, а около этажерки возник Менгеле. Я обернулась, никого больше не увидела и снова посмотрела на доктора.

– Вам нравится моя коллекция, фрейлейн Николетта? – он кивнул на черепа.

– Она однозначно притягивает внимание, – честно сказала я. Но умолчала о том, что в жизни бы не поставила у себя в кабинете человеческие останки.

– Если вы интересовались моими трудами, то догадались, чем они мне интересны. – Доктор в шутку погладил крайний череп.

И тут до меня дошло. Точно! Его труды! Все эти черепа принадлежали представителям разных рас. Он распахнул передо мной дверь кабинета, ехидно улыбнулся, светя щелью в зубах и, провожая, сказал:

– Будет очень интересно, нас ждет много новых открытий, Николетта.

В дальнейшем казалось, что о нас напрочь забыли. Мы – я и те две девушки – ходили на лекции, нас водили на вскрытия трупов, я подолгу задерживалась в библиотеке, потому что нужно было время, чтобы вникнуть в медицинские термины и саму суть, ведь все было написано по-немецки. Если я хорошо говорила, то читать могла немного хуже.

Томаса я видела реже, он почти всегда был не сам, а в компании преподавателей, либо доктора Менгеле. Я даже начала немного скучать за ним, ведь он как-никак стал моим хорошим знакомым за эти месяца и всегда составлял мне хорошую компанию.

Стоит сказать и об этих девушках, которые входили в нашу группу. Агнет и Лорелей были подругами. Но характеры их были настолько разные, что я удивлялась, что между ними вообще общего, и на какой почве они сдружились? Лорелей была красоткой 23 лет. Теменькая, с коротким каре, всегда безупречно уложенным, миниатюрная, на целую голову ниже меня, она даже на низких людей смотрела, поднимая голову. Она была полноватой, но это ее не портило. Но характер у нее был скверный. Лорелей всегда стремилась выяснить отношения с кем-либо, совершенно не умела спорить, была вспыльчивой, но отходчивой.

Агнет, вторая девушка, на два года старше Лорелей, была полной противоположностью подруги. Высокая блондинка с голубыми глазами, непримечательная внешность, худенькая. Единственное, что мне нравилось в ней – это ее улыбка. У нее были такие белоснежные зубы,

что невольно засматривался на них. Характера она была мягкого, любила посплетничать, много ела и всегда уступала в спорах подруге.

Вот так у нас сложилась не самая худшая компания для времяпровождения. Тем более я вынуждена была общаться с будущими коллегами, еще не известно, как могла обернуться жизнь, и чем они были бы мне полезны.

Мы вместе гуляли по городу, несколько раз выбирались в кафетерий, изредка забежали на киносеансы. В основном, всегда разговаривали они, а я лишь слушала и отвечала на вопросы. Так я узнала, что у обоих есть молодые люди, у Лорелей парень воевал, а у Агнет уже год был дома, признан непригодным к службе после контузии. Но Агнет не собиралась сидеть с ним дома, а хотела отдать долг родине, но свадьба все-таки планировалась. Они спрашивали обо мне и моем избраннике, но я отмалчивалась, мол, нет никого. Мне совсем не хотелось выворачивать душу перед этими девушками. Что я могла им рассказать? Что Доминик воевал против их парней и из-за них же подорвался, распрощавшись с жизнью? От таких мыслей кровь вскипала в моих жилах, и я невольно сжимала кулаки, люто ненавидя всех этих немцев и Германию, но вовремя вспоминала, что девушки ни в чем не виноваты, они такие же жертвы, как и я, и наши любимые – мясо нацистов. Я ведь не знала, сколько Доминик успел убить врагов, пока сам не пострадал.

– Ну и ладно, – парировала Лорелей, – зато не нужно беспокоиться ни о ком, еще успеешь найти свою судьбу. Вот закончится война, и заживем.

Она подмигнула мне. Но я ее почти не слышала.

Мне часто приходили в голову мысли о родителях, о Ханне. Она была моей лучшей подругой там, на далёкой родине. Не трогают ли их там немцы? А Ханна? Она так рвалась в бой, так хотела помочь ребятам, она родилась для того, чтобы помогать людям. Как мне не хватало ее легкого нрава, веселых незамысловатых шуток. Как хотелось прижаться в объятиях к родителям, увидеть маму, поговорить с отцом. Тоска по родине была ужасной. Я тоже могла остаться и отправиться с Ханной на фронт, там я бы тоже была ближе к Доминику, возможно, нашла бы его товарищей, очевидцев несчастья, может кто-то смог бы подтвердить, что он жив. Но чтобы найти Януша, отца Доминика, отомстить фашистам, мне нужно было покинуть Польшу, действовать по плану и вернуться на родину строго в свое время и в определенное место. Ещё ужасней было то, что я не могла никому послать весточку, где я, как я. Не было с кем поговорить откровенно о том, что мучило меня, съедало изнутри. Мне бы стало в разы легче от ободряющих слов на родном языке. Но вокруг были лишь герры и фрау, у которых хватало своих проблем.

На дворе был апрель, я сидела в новом красивом платье в банкетном зале на свадьбе Агнет и смотрела в окно. Через месяц мы должны были уехать, поэтому подруга решила побыстрее расписаться со своим благоверным. Они по-скромному организовали свадьбу, но гостей пригласили немало. Здесь была дружка Лорелей, она сидела рядом, много разговаривала с гостями, веселилась и танцевала. Здесь был и Томас, красивый, нарядный, он как будто стал выше в этой обстановке. Торжественность события придавала ему особого шарма и очарования. Он постоянно был около меня и почти не отходил, развлекал меня шуточками, которые отпускал в сторону гостей. Я буквально прыскала смехом, и гости оборачивались на нас. Несколько раз Томас пригласил меня на танец, но я потанцевала лишь один, постоянно представляя, что это могла быть моя свадьба, что рядом мог стоять мой Доминик.

Мне стало не по себе, я не стала задерживаться допоздна, тем более любое веселье в военное время – это уже дурной тон. Распрощавшись с гостями и молодыми, я уже было вышла на улицу, но тут меня окликнул Фишер. Он подбежал ко мне:

– Куда же ты так быстро? Давай хотя бы проведу. – Сегодня его улыбка была просто сногшибательна. Я изумилась, насколько обстановка меняет человека.

– Да мне тут недалеко, – возразила я, но тут же осеклась, потому что все-таки страшно-вато было идти по улицам вечером одной.

– Не выдумывай, – Томас взял мою руку и зацепил себе за сгиб локтя.

Так мы и пошли под руку, болтая о том, о сем, не спеша, обходя лужи после дождя.

– Ника, – он резко сменил тон с шутливого на серьезный и остановился прямо посреди тротуара, глядя мне в глаза, – вы все скоро уезжаете, но знай, что я буду тебя очень ждать.

У меня пересохло в горле, он сжал мою руку в своей и продолжил:

– Ты мне очень нравишься, но я не знаю, как к тебе подступиться. Ты кажешься такой недосыгаемой.

Я онемела и покраснела (может, побледнела), Томас застал меня врасплох. Мне и в голову не приходило, что я могу ему понравиться, что между нами, оказывается, была не только дружба. Да, я симпатизировала ему и была благодарна за то, что он помог мне здесь, не оставил одну, но я никогда не смотрела на него, как на мужчину. Мое сердце было занято, память о Доминике все еще жила в сердце и надежда увидеть его не исчезала ни на минуту. Я была так поглощена мыслями о том, что буду делать, когда найду Януша, каким образом буду его искать, что не замечала очевидного у себя под носом.

Я ничего не могла ответить Томасу. Мне вдруг стало стыдно. Может, молодой человек возлагал на меня какие-то надежды, у него могли быть свои мотивы, либо я действительно просто нравилась ему, кто знает.

– В чем дело? – Томас заглянул мне под опущенные ресницы, потому что я долго не отвечала, и робко улыбнулся. – Просто скажи мне, есть ли у меня шанс. Я должен знать.

Мы снова двинулись к гостинице.

– Томас, я и предположить не могла, что могу быть тебе интересной, начала я неуверенно, – я не знаю, что тебе сказать.

Я решила быть откровенной, насколько это возможно.

– Наверное, не стоит, Томас. У меня совсем недавно был печальный опыт, и я еще не оправилась. Тем более я уезжаю на неопределенное время.

Я посмотрела на него, но не могла понять, о чем он думает. В темноте пасмурного вечера его глаза казались черными. Мы как раз подошли к ступенькам гостиницы, куда бесконечным потоком забегали постояльцы, накрыв головы плащами, убегая от капель, и остановились. Снова начинался дождь. Томас посмотрел на меня и произнес только несколько слов, прежде чем уйти и оставить меня в замешательстве: «По крайней мере, я могу попытаться».

Назначили время выезда на конец мая. Я, Агнет и Лорелей ходили взбудораженные, мы до сих пор не знали, куда отправляемся. Томас ничего не говорил, я была права – он тоже мало что знал, от чего ходил зол и угрюм. О нашем разговоре мы не вспоминали, да и наедине побыть нам не удавалось, сейчас мы с девчонками не отходили друг от друга. Вещей сказали брать по-минимуму. У меня их и так было маловато. Мы помогали паковать казенные вещи, самое простое оборудование, бланки для документации. Доктор упаковывал много бумаг, документов, личные вещи.

В день выезда около университета нас встретил водитель на черной машине, с небрежностью наскладировал наши сумки в багажнике, плюхнулся на сидение и помчал на мюнхенский железнодорожный вокзал. Меня задело то, что Томас даже не пришел проститься с нами, не попытался дать какие-то напутствия в последний раз. Как будто пропал, хотя я рассчитывала повидаться с ним перед отъездом. Это было очень странно, но я так нервничала, что вскоре мысли о нем потерялись среди кучи других. Всю дорогу до вокзала я грызла ногти, в машине царил тишина, даже девочки не шушукались, а сидели молча, глядя в окна. По ним видно было, что они тоже нервничают, но Лорелей держалась лучше. Агнет же постоянно поправляла

свою светлую косу, теребила резинку на волосах и постукивала пальцами о сидение. Лора коснулась ее руки и, поймав взгляд Агнет, улыбнулась ей едва различимой улыбкой. Почему-то это немного успокоило даже меня.

На вокзале шофер выдал нам наш багаж, сказал, куда идти, сел в машину и укатил в неизвестность.

– Неприятный тип, мог бы и помочь с сумками, – рявкнула Агнет, но тихо, чтобы Менгеле не расслышал.

– Наш вагон номер 6, – проинформировал доктор, и мы засеменяли по перрону.

По мере приближения к вагону, отчетливей ставали видны две фигуры рядом со ступеньками поезда. Они облокотились о стенку вагона, и одна из них курила. Когда мы подошли ближе, я начала различать лица и сомнений не оставалось: одной из фигур был Томас!

Первым подошел доктор, пожал руку Фишеру и сказал: «Знал, что ты согласишься». Показал билет и запрыгнул в поезд. Следом зашли девочки, поздоровавшись с Томасом, и скрылись вместе с доктором из виду. Я не знала, что почувствовала в этот момент, обрадовалась ли я тому, что мой знакомый тоже едет? Я специально задержалась у входа и тихо спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Еду с вами.

Я посмотрела на него и поняла, что он не шутит. Парень был сама серьезность.

– Доктор предложил и я согласился. Тебе понадобится моя помощь.

Он бросил окурок на землю.

– Почему ты решил, что мне надо помогать?

Томас посмотрел на меня в упор и проговорил, отчеканивая каждое слово:

– Потому что я узнал, куда мы едем.

В поезде мы разместились отдельно: я с девушками в одном купе, доктор с Томасом – в другом. Это радовало. С подругами я могла хотя бы немного расслабиться, но говорили мы все равно не очень громко. Поезд ехал напрямиком на Берлин. Уже год прошел с тех пор, как я проезжала его по дороге к Мюнхену. Целый год. Год, как я не была дома.

Погода стояла отличная. Солнце светило, разливаясь лучами всюду, где только глаз доставал, и приход лета чувствовался во всем. Мы были в тонких платьях. Я заняла нижнюю полку, девочки – две верхних. Больше с нами никого не было. Вот так мы и проехали всю Германию. Пейзажи менялись удивительно. Кое-где войну было видно по запущенности, в лицах людей, закрытых зданиях. А через несколько часов снова показывались окраины городов, которых, казалось, война совсем не тронула. Мужчины иногда наведывались к нам, спрашивая о нашем самочувствии. Томас несколько раз принес нам всем чай, перекинулся несколькими словами со всеми и скрылся в своем купе. Но даже от этого маленького жеста на душе становилось теплее. Теперь я была уверена, что мне стоит радоваться присутствию Томаса. С ним у меня были более доверительные отношения, чем с девчонками. Поезд убаюкивал, и нервы заметно поутихли, я даже немного вздремнула, слушая хихиканье Агнет и Лорелей.

Добравшись до Берлина, мы пересели на другой поезд, дождалась Менгеле, который улаживал в Берлине какие-то формальности, и моментально доехали до границы. Тут мои нервы опять взвинтились от догадки. Я снова в Польше! Так близко не могла быть другая граница. Долго нас не держали, скорее всего, пограничники были предупреждены. За несколько километров от границы мы снова пересели. Несмотря на нервы, мы все изголодались и решили поесть, пригласив к себе и Томаса. Менгеле как раз уснул, поэтому Фишер спокойно мог с нами посидеть. Мы перекусили тем, что осталось у нас от дорожных припасов, выпили чаю и разбрелись по своим полкам. Девочки сразу отключились, они тоже все изнервничались, а я решила сходить в туалет, как сразу же за дверями меня за руку схватил Томас, сильно напугав.

Он повернул голову вправо, оглядывая коридор, и очень тихо шепнул:

– Ника, пока мы на территории Польши, ещё можно спасовать. Я не буду тебя осуждать. Но это, может быть, последний шанс. Далее пути назад уже не будет.

Я была в шоке. Неужели парень предлагает мне бежать? Он дышал так близко к моему лицу, что я чувствовала запах чая и табака.

– Ты не понимаешь, Томас. Я не могу вот так все бросить. Или ты думаешь, что я легко сойду с поезда и потеряюсь в толпе!? Ты думаешь, я трусиха?

– В Польше тебе есть куда идти. Там, куда мы едем, вовсе не курорт.

Да. Он был прав. Насколько я понимала, с нашей компании один он знал о том, что я приехала из Польши. Хотя Менгеле должен был изучить наши дела и либо не подал виду, что знает обо мне, либо Томас тщательно завуалировал эту информацию. Но бежать я не собиралась. Наконец-то я так близко у цели.

– Об этом забудь, пожалуйста. – Ответила я, нырнула под его рукой и скрылась в туалете.

В Катовице нас встретили военные в форме СС на фургоне. То, что творилось на территориях Польши, ввергло меня в депрессию. Разграбленная, разбитая родина. Я созерцала эти военные пейзажи и проникалась все большей ненавистью ко всем, кто имел причастие к этой войне.

Водитель с мужчинами расположился в кабине, а мы женской компанией оккупировали грузовую часть, сев на сумки. В кузове было продовольствие и немного паков средств личной гигиены. Всю дорогу нас сильно трясло, мы подсакивали на разбитой дороге и хватались друг за друга, ехали долго, несколько раз притормаживали на пропускных пунктах, где другие служащие проверяли содержимое фургона. Когда они видели нас, нам приходилось вылезать, показывать вещи, документы.

В конце концов, машина остановилась. Это был конечный пункт нашего путешествия. Мы прыгнули из душного фургона, отряхиваясь от дорожной пыли, красные, как раки (было невыносимо душно); Томас вывалился из кабины, зевая, за ним слез раскрасневшийся Менгеле. Мы с девушками потягивались, разминая затекшие тела. Пока водитель снимал наши баулы с кузова, мы огляделись, где же находимся, и застыли, открыв рты от ужаса. Теперь всё стало на свои места.

Конечным пунктом нашего путешествия был Освенцим.

Часть 3. ОСВЕНЦИМ

Мы стояли у железнодорожных путей. Вокруг, куда только доставало зрение высились длинные здания с крышами и окнами. Некоторые были с трубами. Все это было ограждено колючей проволокой, которая гудела под напряжением. По всему периметру на фоне бараков выделялись охранные вышки – небольшие открытые кабинки. На некоторых прохаживались охранники с оружием. Если тут за оградой была зелень, деревья и пролески, то там, где началась решетка, не было ни травинки. Атмосфера была угнетающей, но не это пугало больше всего. Самыми страшными были люди. Точнее их состояние и внешний вид. Здесь были сотни молодых людей, стариков, детей, женщин, мужчин в расцвете лет. И все они были в одинаковых полосатых робах, изношенных до дырок, и стёртой обуви. Некоторые были вообще без нее. Они были до ужаса худыми и сутулыми, никто не шел с поднятой головой, все смотрели себе под ноги. Одна колонна людей как раз выходила из главных ворот, в которые вошли мы, они шагали в такт под оркестр и пели какой-то марш. Я подняла голову, чтобы прочесть фразу у себя над головой на воротах: «Труд освобождает». Мы с девушками переглянулись и в ужасе пошли мимо бараков. Бесконечными рядами они тянулись все дальше и дальше. Их тут были сотни. На каждом значился номер.

Помимо всего этого здесь стоял какой-то удушающий противный запах. При входе я сразу заметила несколько зданий с трубами, наверное, запах шел оттуда. Военный вел нас вглубь лагеря, рассказывая об устройстве Аушвица, о делении на женскую и мужскую часть. Обратил внимание на 25 блок, в котором, по его словам, вершилось правосудие, показал пищевые блоки, санитарные. Не смотря на почти полное отсутствие зелени, небольшая рощица все же виднелась и здесь.

Но мы нигде не задержались, нас вели к больничным баракам и блоку номер 10. Это было нашим хозяйством в дальнейшем.

Когда мы зашли на несколько минут в так называемый больничный блок – ревер, – нас снова настиг шок. Обычный барак, который не отличался ничем от остальных, трёхэтажные койки, покрытые стертymi в пыль матрасами, набитыми соломой. Блок был переполнен, всюду летали мухи, садились на людей. Некоторые из них лежали либо полусидели; другие спали, точнее, были в бреду; третьи были с открытыми глазами и уже не моргали. По телам людей можно было изучать анатомию, настолько они были худые. Много из них были покрыты лишаями, язвами, гноящимися ранами. Кроме этого, почти все были в синяках, некоторые гематомы достигали размерами двух кулаков. Вонь стояла ужасная. Запах рвоты перемешался с запахами экскрементов, пота и грязной одежды. Многих уже уносили дежурные и складировали на улице, других тут же заводили и толкали на те же, пропитанные человеческими выделениями, матрасы.

Нас, как медиков, это действительно шокировало. О какой гигиене, санитарии и дезинфекции могла быть речь? Я уже молчу об эффективном лечении и пресечении эпидемий. «Зачем мы здесь?», – хотелось крикнуть мне. Тут нужны не медики, а вышибалы, которые в состоянии уносить и заносить людей днём и ночью. Вот и все, что можно сделать в этом месте.

– Как вы помогаете больным? – спросил не менее шокированный Томас.

Эсэсовец оскалился улыбкой.

– Никак. Медикаментов нет. Никто не напрягается. Тут эти, – он кивнул в сторону больных, – либо сами поправляются и уходят дальше работать, либо умирают.

Двухэтажный блок номер 10, переоборудованный под лабораторию, внешне ничем не отличался от остальных. Такое же кирпичное здание с табличкой номера. Здесь было светлей, просторней, намного чище и почти пусто, что резко контрастировало с тем, что мы увидели ранее. Тут был кабинет врача с топчаном, деревянным рабочим столом, вешалкой

и стулом. Далее были палаты с железными кроватями, личные кабинеты врачей, рабочие помещения для медсестер, санузел. Никакого медицинского оборудования почти не было. Запах хлорки и спирта, который типичен для больниц, здесь вообще не чувствовался. Это создавало впечатление, что мы вовсе не в больнице. В принципе, так и было. Мы собирались было уже выходить, как тут с палаты рядом со входом выскочил врач. Роста он был маленького, в круглых очках, с крючковатым носом. Внешность у него была отталкивающая, и наш Менгеле показался, по сравнению с этим врачом, просто красавцем.

Он быстро направился к нам вместе с медсестрой и протянул руку Менгеле: «Эдуард Виртс – главврач Освенцима. Мы все с нетерпением ждали вашего приезда. Пройдёмте».

И он увел доктора и Томаса вглубь блока. С нами он, видимо, знакомиться не захотел или не счёл нас достойными. Но мы были этому рады. Терпеть его общество совсем не хотелось, и мы снова решительно направились к выходу, стараясь как можно быстрее убраться отсюда. Из лагеря мы вышли той же дорогой, которой зашли, и сопровождающий эсэсовец провел нас к нашему новому месту жительства. Это были двухэтажные дома недалеко от территории лагеря. Обычные жилые дома, в которых обитал персонал Аушвица. Надо сказать, что людей здесь работало немало, но их все равно не хватало: охранники на постах, охранники в лагере и на выездных работах, надзиратели, надзирательницы, врачи, медперсонал, который, впрочем, набирался здесь из заключенных. Последние тоже могли в лагере занимать разные должности, так называемые капо. Они работали в канцеляриях, следили за порядком, работали на кухнях, складах и еще много где. Аушвиц был огромным хозяйством, которое требовало большой отдачи и безмерного количества рабочих рук.

Меня, Лорелей и Агнет поселили в одном доме на втором этаже. На первом были кабинет, столовая, санузел и гостиная, в которой жили ещё две девушки. Кем они были в лагере, я пока не поняла. Подруги поселились вдвоем в комнате, окна которой выходили на лес. Лорелей было не переспорить, поэтому мне досталась комната с окнами на лагерь. Теперь эта картина должна стоять у меня перед глазами день и ночь. Это было ужасно. Я подошла к окну и не могла заставить себя отвести взгляд от тех бараков, грозно смотрящих темными окнами.

Теперь, когда наконец-то за долгое время осталась одна, и первый шок миновал, я могла осмыслить все произошедшее.

Первое. Я действительно не знала, куда уеду и что мне предстояло здесь делать.

Второе. Целью моей аферы был возврат в Польшу и работа в Освенциме.

Третье. Где-то здесь сейчас был отец Доминика. Я это знала с тех пор, как его арестовали, поэтому и стремилась сюда.

Если можно назвать это удачей, то она улыбнулась мне, ведь я напрямик попала туда, куда хотела. Через Польшу я никогда в жизни не попала бы сюда на законных правах, потому мне пришлось провернуть все это дело с документами и выездом.

Это было что-то невероятное, такое совпадение могло случиться только однажды в жизни. Но тогда я еще не знала, что приезд туда был совсем не удачей и лагерь полностью изменит меня.

Первая часть плана осуществилась. Теперь мне нужно было найти Януша, даже если придется рисковать жизнью. Иначе смысл мне находиться здесь?

Пока я мылась, причесывалась и переодевалась, мысли перешли в более беспокойное русло. Когда ты в другом месте, то не представляешь, что тебя ждёт в лагере. Мы слышали о концлагерях и о том, что в них происходит лишь слухи. Но воображение не нарисует тебе даже малейшей толики того, что творится за оградой. Я не до конца понимала, во что влипла. Теперь я соучастник преступлений, внешне я такая же, как и эти надзирательницы, эсэсовцы с оружием и хлыстами. «Ничего, я что-нибудь придумаю», – хотелось верить мне. Знал бы мой Доминик, куда и кем я попала по собственной воле, он бы застрелил меня собственноручно. Господи. Впервые за долгое время мне захотелось помолиться. И рыдая в подушку забыться

и никуда не выходить, не видеть этих барачков, этих фашистов. Я была на родной земле. Вот только родина теперь моя была уже не здесь.

Пока я раскладывала вещи, к лагерю прибыл поезд с грузовыми вагонами без окон. Я обернула на шум к окну и стала наблюдать за происходящим. К вагонам сразу набежала куча охраны с прикладами и автоматами и стали их открывать. Оттуда хлынул поток людей. Самых разных по национальности, росту, цвету волос, полу и возрасту. Здесь были инвалиды, беременные, совсем маленькие дети на руках у матерей, старики, которых родные вели под руки. В вагонах, насколько я могла рассмотреть, оставалось ещё что-то. Когда охрана начала вытаскивать это, я с ужасом осознала, что в вагонах остались лежать люди, которые не перенесли дороги. С ними обходились самым похабным образом, поэтому я перевела взгляд на еще живых цугангов.

Остальные уже сваливали свои вещи на общую кучу, люди приезжали сюда со всеми своими пожитками и ценностями, ведь не знали, что им предстоит. Здесь были и мешки, и саквояжи, и тряпичные заплечники по типу мешков, кожаные сумки, – все отправлялось в эту кипу вещей.

Люди стонали, ахали, дети плакали, многие были дезориентированы и не понимали, что происходит, и как им надо строиться. Матери прижимали к себе детей, а дети испуганно цеплялись за родных. Солдаты пытались построить их и навести порядок среди прибывших. Это получалось у них на удивление быстро, движения их были отточены, резки, а люди были слишком напуганы, чтобы не подчиняться. Тех, кто не расслышал команд или замешался, сразу же били прикладом, либо хлыстом, либо же просто кулаком. Одна женщина не устояла на ногах, кто-то толкнул ее, и она упала. К ней бросился юноша – может, ее сын, а может, и нет – помочь подняться, но его сразу же огрели по спине и отогнали в сторону, а женщину ударили ботинком в бок, чтобы та вставала. Но она больше не встала. Либо удар был очень сильным и добил измученного дорогой человека, либо не выдержало сердце. Это уже никого не интересовало. На это было невыносимо смотреть.

После этого людей начали делить на две группы. Одни отправлялись налево. В основном это были женщины с грудными детьми, калеки, старики, люди с тяжелыми травмами. В другую группу направо отсылались все остальные – здоровые, крепкие, сильные. Я видела, как разбирают любимых, семейных, отделяют детей от мам. Там около поезда разыгрывалась страшная драма, но солдаты казались глухими, и только гавкали на пленных, подгоняя их тумаками. Каким человеком нужно быть, чтобы равнодушно созерцать все это?

Когда все люди были распределены, их повели в разные стороны, как я подумала, на поселение. Потом обе колонны скрылись из виду. Я не выдержала и выбежала на улицу. Мне не хватало воздуха. Я села на лавочку около дома и посмотрела на закатное небо. Я не могла поверить в то, что все это происходит на самом деле, что это живые люди, с которыми обращаются, как со скотом. Меня прямо било в дрожь. Мне захотелось разыскать Томаса и посмотреть ему в глаза. Мы с ним не виделись после так называемой экскурсии по лагерю, я не знала, где его поселили. Я хотела узнать, что он думает обо всем происходящем, я была уверена, что в его взгляде виднелись бы боль и страх. Мне так не хотелось в нем ошибаться, я отчаянно хваталась за мысль, что он действительно приехал сюда помогать мне, а не по иным причинам. Но, с другой стороны, он был немцем, приближенным к Йозефу Менгеле. Неужели Томас действительно перебивал в неведении до последнего дня? Ответов у меня не было.

Не знаю, как долго я просидела на лавочке, ничего не замечая вокруг, но очнувшись от мерзкого горелого запаха, который прямо набивался густым слоем в легкие, садился и впитывался в кожу, прилипал к волосам. Я подняла голову вверх и увидела с левой стороны лагеря столб дыма, который стремительно поднимался и опадал пеплом вокруг. От этой картины и запаха мыслей враз не стало. Я в ужасе кинулась в дом, добежала в уборную, и меня стош-

нило. Теперь мои легкие всегда будут наполнены сгоревшими душами сотен невинных людей. С этой мыслью я закончила свой первый день на фабрике смерти.

В 8 утра следующего дня мы уже стояли на селекции. Пришлось вставать очень рано, чтобы наверняка не опоздать, потому что никто из нас пока не знал, чем чреваты проступки персонала в этом месте. Тем более мы очень плохо пока ориентировались здесь, хотя планировка лагеря была простейшей.

Проходя мимо узников, я не знала как себя вести. Смотреть им в глаза мне не хватало смелости, я отводила взгляд, но все равно в поле моего зрения попадались ребяташки, которые с любопытством смотрели на меня.

Прибывшим нужно было раздеться, принять душ, обриться, пройти дезинфекцию, переодеться, набить татуировки с порядковым номером. Почти все эти манипуляции с новенькими делали люди из числа заключенных. Людей было огромное количество, поэтому на селекцию звали помощников. Здесь также досматривали людей на наличие травм. Теперь мне было известно, что малейший «брак» человека, будет стоить ему жизни. Я поежилась и пошла помогать выдавать ужасного состояния робы. Агнет и Лорелей вошли в группу, которая следила за душем заключенных.

В нескольких метрах от меня людей стригли и брили, и не только головы. Здесь толпилось множество людей. Уже после всех процедур я из всей толпы почему-то заметила троих: это был мужчина с двумя ребяташками лет семи. Мужчина явно был славянской внешности, невысок. Его сын стоял рядом, держась за отца. Это был симпатичный мальчуган с темно-русыми волосами, кареглазый и очень подвижный. Казалось, ему с трудом дается каждая секунда без движения, он топтался на месте, переминался с ноги на ногу и любопытно посматривал на окружающих. На руках у мужчины была девочка, миниатюрная, явно младше брата, по крайней мере, на год. Она выглядела, словно кукла: ее длинные вьющиеся светлые волосы спадали на плечи, большие карие глаза, как у брата, смотрели с опаской, длинные ресницы и курносый нос придавали ее лицу еще больше кукольности. Она казалась маленьким ангелочком – необычайно серьезным и внимательным. В чем она была виновата перед этими фашистами? Этого я не знала. Отец был политзаключенным или верующим? А, может, его оклеветали, или он просто кому-то не понравился? Где была их мама? Спаслась или вчера ночью стала пеплом? Я не могла оторвать глаз от этой троицы. Эти дети, пока еще по-детски пухленькие и розовощекие, так контрастировали с теми ребятами, которые пробыли тут уже некоторое время. Как эти маленькие дети оказались здесь? Почему еще живы? Я сжала кулаки. Мне так хотелось помочь им, этим ребятам, другим, всем, кому возможно. Что лагерь сделает с этими ребяташками?

Но дальше было хуже. Подошла очередь бриться этой семье. Последней посадили девочку. Она не кричала, но в глазах ее читался ужас, она держала свои волосы в ручонках, приложила их к щекам, и слезы катились из ее глаз прямо на светлые локоны. «Пожалуйста, не надо», – попытался вступить отец за девочку, но его никто не услышал. Светлые пряди упали около стула, их становилось все больше, а девочка все громче всхлипывала. Братишка держал ее за руку, уже обритый на лысо, его губы сомкнулись в тонкую полоску, но он смотрел сквозь нее, где-то дальше, гневно наморщив лоб.

После душевых они подошли ко мне. Девочке с покрасневшими от слез глазами досталась роба не по размеру, она в ней просто утонула, мужчине и мальчику повезло больше, хотя мальчику форма оказалась тоже велика. Передавая одежду, я посмотрела мужчине в глаза. Он словно отсутствовал здесь, его серые глаза равнодушно посмотрели на меня. Все ободряющие слова, которые я хотела сказать ему шепотом, мигмом вылетели у меня из головы. Теперь словами им уже не поможешь. Он взял одежду, и я лишь успела взглянуть на его татуировку на руке: 131 174

Понемногу мы начали входить в курс дела, познакомились со многими надзирательницами, санитарками, с некоторыми охранниками. Я это делала чисто механически, не привлекая внимания к себе, перекидываясь лишь общими фразами с персоналом. Томаса я видела время от времени, он часто появлялся в блоке номер 10, но ненадолго и мы все никак не могли поговорить наедине. Он осунулся, вообще не улыбался, между бровей у него пролегла глубокая морщина, как будто он постоянно ломал голову над чем-то. Весь его вид говорил о том, что ему мало все это нравится. Да уж, это было не кино в Мюнхене.

От нас с девочками особых усилий пока не требовалось, мы помогали обставлять лабораторию. Менгеле написал прошение к Гитлеру с просьбой помочь с оборудованием для экспериментов. К нашему удивлению, уже через несколько дней начали приезжать машины с самой разнообразной начинкой для больницы.

Теперь Менгеле стал участвовать в отборе людей сразу после приезда и брал кого-нибудь из мед персонала. Он стоял среди прибывших – гладко причесанный, в начищенных сапогах, военной форме – и сортировал пленных. Особую заинтересованность он проявлял по отношению к детям, а конкретно, к близнецам. Его глаза сразу же загорались. Некоторых он сразу же отправлял в 10 блок, некоторых не трогал до поры до времени, и близнецы отправлялись с родителями в обычные бараки. Еще он был просто помешан на различных патологиях, таким людям с отклонениями тоже была прямая дорога к нам в блок.

Стоит сказать, что Менгеле назначили доктором цыганского лагеря, в котором находились тысячи семей с сотнями детишек. Цыганам разрешали жить семьями, в отличие от остальных узников. Идя с работы, мы как раз шли мимо их части лагеря. Свободная душа цыган не могла найти утешения, и горе выливалось сквозь стены бараков в виде песен. Они были тихими, спокойными. Этот народ рисковал, напоминая о своем присутствии пением, но в столь позднее время мало кто обращал на это внимание. Доктора цыганские детишки очень любили. Для меня было загадкой, почему, но как-то раз я вышла в лагерь немного позже, и, не дойдя до этих бараков, я увидела дикую картину. Менгеле стоял около решетки, дети отовсюду прибежали к ограде и тянули к нему руки. Слышались крики «дядя, дай конфетку, ну дядь». Одна девочка начала плясать, обращая на себя внимание, еще несколько ребят тоже начали танцевать, подпевая и похлопывая в такт движениям. Я так и остановилась, открыв рот от изумления. Менгеле посмеялся, достал из кармана несколько конфет и кинул их ребятам за ограду. Те налетели на несчастные сладости, что я даже не успела увидеть, кому они достались. Доктор заметил меня, подозвал к себе и мы продолжили путь на работу вместе.

Переключки в лагере были настоящим бичом. Они длились по несколько часов в любую погоду утром и вечером и стали настоящим издевательством над бедными людьми. В одну из таких проверок утром я улизнула из больничного блока и отправилась к зданию, в котором, как я успела узнать, хранились бумаги, документировавшие всех узников – живых и мертвых. Мне нужны были эти архивы. Но на страже блока оказался офицер. Я сделала вид, будто двигаюсь совсем в другую сторону, и отошла от охранника на безопасное расстояние. Пришлось действовать по другому плану.

Многие заключенные работали на территории лагеря не только на стройках, прокладывании дорог и подобном. Некоторых отбирали на сортировку вещей, другие помогали акушеркам. Была еще зондеркоманда из заключенных, которые должны были помогать зачищать газовые камеры, убирать и сжигать тела. Трупов были сотни каждый день, а скромное количество персонала не справлялось с такими объемами, да они и руки марать не слишком хотели. Впрочем, все вело к тому, что мне нужно было выйти на заключенных из канцелярии. Попросить о помощи не составило бы труда. Здесь люди готовы были на все ради куска хлеба. Проблемой была лишь охрана. Мне нужно было как-то контактировать с заключенными. Единственным

возможным вариантом было общение ночью во время моего дежурства. Ибо кроме персонала, со мной часто пересекались только заключенные из госпиталя. Я не знала, сколько могу себе позволить, поэтому не хотела пока слишком рисковать.

Окна одной из палат как раз выходили на нужный мне барак. После переключки люди стали строиться и разбредаться по своим работам. Большинство ушло за ворота на тяжелую строительную работу. Некоторые едва волочили ноги, и мне было непонятно, как они вообще способны что-нибудь делать на стройке.

Но сейчас мое внимание было приковано к нужному мне зданию. Спустя минуту туда вошла заключенная с желтой звездой на робе. Офицер знал ее, видимо она уже давно там работала, он пропустил ее без проблем. Я успела заметить, с какой стороны она вышла, значит, у меня была ориентировка на пару барачков, из которых она могла предположительно быть. Осталось найти ее под покровом ночи и поговорить, не вызывая подозрений, так как среди заключенных тоже были ненадежные люди, которые стучали на своих же за мелкие нарушения, получая за это работу полегче или еду.

С Агнет и Лорелей общались мы мало и, в основном, дома. Тут же у нас было много работы, нас постоянно тащили кому-то помогать, что-то делать. Девчонки явно чувствовали себя не в своей тарелке. Но Лорелей держалась лучше и успела раззнакомиться с остальными медсестрами и врачами ближе, чем мы с Агнет. Подруги больше не хихикали сутками, часто я видела их отдельно: Лорелей постоянно находилась в блоке номер 10, Агнет же помогала на территории лагеря.

Доктор Менгеле все время просиживал в лаборатории, он постепенно набирал людей себе в больницу, осматривал их, изучал вместе с другим доктором, которого я даже не знала толком. Я часто присутствовала при таких осмотрах, у людей измеряли все, что только можно было измерить, обращали внимание на цвет глаз, волос, строение черепа, скелета.

Больными в бараках действительно никто не занимался. «Для чего же нужно все это оборудование?», – спрашивала я себя. Спросить кого-то другого я не решалась, любопытство здесь тоже было наказуемо. Я часто заходила в эти бараки, ходила мимо больных, подавляя рвотные рефлексы от удушающих запахов. Большинству из людей поздно было помогать. Они лежали по несколько человек на одной полке – была страшная теснота. Несколько медсестёр иногда приносили им какой-то чай, на который те с жадностью накидывались. В туалет никто больных не водил, не давал питьевой воды. Каждый раз, когда я шла к ним, я высматривала, где находятся охранники, где размещены склады с едой, с вещами. Есть ли возможность зайти в барак не только в главные двери, как расположены больные, когда приходят уносить мертвых. Нужно было стать чрезвычайно осторожной и внимательной. Даже столь частыми походами к больным я уже вызвала недобрые взгляды некоторых надзирателей.

Несколько дней спустя, я уже заходила в барак со спрятанным куском хлеба. Иногда это была бутылка обычной воды, время от времени мне удавалось пронести им клочки ткани, которыми больные могли перевязать раны. Медикаментов в больнице в открытом доступе не было никаких, и болеутоляющие я добывала через Томаса, постоянно жалуясь на ужасные головные боли, которые появились с приездом сюда. Он ничего не говорил, но медикаменты мне давал. Ничтожно мало, как раз, чтобы хватило мне одной. Но не целому барачку больных людей. Еду я всегда прятала в столовой, не доедая свою порцию. Мне хватало наесться, а эта сосиска или кусок хлеба могли дать частичку жизни больному. Скоро меня стали узнавать те, кто немного дольше пробыл в бараке для больных. Они тянули ко мне руки, как только я переступала порог их блока. Мне это не нравилось, моего лица не должны были помнить, это было риском, ведь кто-то мог меня выдать. Не специально, но в бреду было все возможно. Тем, кто мучился от болей, я давала свои болеутоляющие. Их было мало, но этого хватало хотя бы на несколько часов, и люди могли забыться сном. В ход шли жаропонижающие инъекции, точнее их остатки, которые я колола людям в больнице, и немного прятала себе. В столовой

для персонала не скупилась на спиртные напитки, на столе всегда стояла водка. Наши столы, а особенно комендантские, ломались от изобилия еды, когда в Польше все было по карточкам, я начала подозревать, что эти яства приехали сюда в сумках ныне заключенных. Я часто хватала себе по целой бутылке водки и проносила в лагерь, используя вместо спирта и дезинфицируя раны больным. Конечно, другие служащие видели, что я тяну спиртное со стола с завидной регулярностью, но списывали все на то, что молоденькая девочка на досуге для храбрости потягивает рюмашку другую, не в состоянии справиться с шоком. Мне было абсолютно наплевать на них, я отшучивалась, эсэсовцы ржали как кони и скоро забывали обо мне. Только Томас сидел тихо, из-под лба поглядывая на меня.

Прошло две недели. Я уже знала, какая женщина мне нужна в канцелярии, как ее зовут, в каком бараке она живет. Медлить дальше не было времени. Я провела целых две недели тут, но так ни разу не натолкнулась на следы Януша, сколько не всматривалась в толпу с окна моей комнаты или окон блока номер 10, я не видела его нигде. Ни в отрядах, которые уходили на черные работы, ни в больницах, ни среди тех, кто занимался местной работой. Я не отчаивалась, потому что знала: людей здесь десятки тысяч. Площадь лагеря огромна. Аушвиц здесь не единственный. Мне, одной маленькой девушке, понадобилось бы много времени, чтобы найти кого-то. Поэтому надежда была только на документы.

Вечером я вызвалась на дежурство. Оставалось дело за малым. Я старалась унять дрожь, как только могла, у меня дико потели ладоши и подмышки. Это было очень рискованно. В каптерку ко мне постучали, и у меня все упало внутри. Что-то произошло и все отменяется. Как же так? Дрожащей рукой я открыла дверь и не успела понять, что случилось, как в комнатку залетел Томас. Он быстро, но тихо прикрыл за собой дверь и стал напротив меня. Волосы его были взъерошены, он был в белом халате, на груди ни к селу, ни к городу висел стетоскоп. Он буквально накинулся на меня с вопросами.

– Как же так, Николетта, сколько можно искать повода для встречи? Я уже хотел было ломиться к вам в дом.

Он посмотрел на меня, тяжело дыша. Я сразу же решила идти в наступление.

– Куда вам хваленым профессорам тягаться с нами, мелкими сошками? – и я кинула гневный взгляд в его сторону.

Казалось, он опешил. Действительно, вышло резко. Я была неправа, накинувшись на него. Я еще не знала, что у него на уме и почему он вообще сюда пришел.

– С ума сошла?! – он вскинул бровь. – Садись, надо серьезно поговорить.

Мы сели рядом, чтобы слышать шепот друг друга. Говорить громко мы не рискнули. Первая заговорила я, пока Томас еще был не слишком раздражен и мог прояснить обстановку.

– Томас, что происходит? – я заглядывала в его глаза, ища там правду, а он смотрел в мои широко открытые.

– Ты о чем конкретно?

– О тебе. Чем ты занят? Что тебя гложет? Я же вижу, ты изменился.

Фишер сделал паузу.

– Ника, ты уверена, что хочешь знать ответы? Поверь мне на слово, здесь, в экспериментальных, творится такой ужас, что все эти картины в лагере просто цветочки.

Да, он был прав. Я была жутко любопытной, но еще не готова была услышать о том, что кошмаром называл даже взрослый мужчина. Теперь наступила очередь Томаса.

– Что ты надумала, Ника?

Я вопросительно посмотрела на него, но увидела лишь настойчивость в его взгляде. Он продолжил:

– Ты думаешь, здесь вокруг одни дураки, а ты самая хитрая? Думаешь, я не вижу, куда ты ходишь каждый день? Думаешь, я не знаю, для чего тебе водка, марля и ...черт, что ты туда еще носишь?!

У меня бешено забилося сердце.

– Скажи «спасибо», – продолжал Томас, – что самым внимательным оказался я, а не кто иной, иначе тебя в лучшем случае бы уже уволили.

– Значит, ты знаешь? – я скорее констатировала факт, а не спрашивала. Мне ясно было одно. Если бы Фишер захотел сдать меня, то сделал бы это немедленно. Но он пришел ко мне. Значит, он либо действительно меня защищал, и ему не по вкусу была политика рейха, либо ему что-то было нужно. Поэтому я отбросила все осторожности и решила расставить все точки над «і» и пошла ва-банк.

– Фишер, на чьей ты стороне?

От такого прямого вопроса он опешил и долго обдумывал ответ.

– Николетта, ты не представляешь, что здесь будет твориться, какие планы у этих людей. Это не доктора, это изверги. Как ты считаешь, почему... хм... рядовых сошек не допускают ассистировать Йозефу?

Я в раздражении остановила его.

– Если ты не можешь определиться, просто не мешай!

Я со злостью и презрением посмотрела на него и, выходя из подсобки, специально задела его плечом. Вдогонку он сказал мне очень важную вещь: «Будь осторожней с Лорелей».

Время было позднее, трубы крематория дымили. Стояла летняя, но прохладная ночь. За дымом не было видно звезд. У меня за пазухой были спрятаны бутылка молока и белый батон. Я поежилась, зная, что мне придется идти сквозь эту стену дыма, но другого выхода не было. Я завернулась в свой черный плащ, чтобы не светить во мраке своим белым халатом, и отворотом закрыла себе нос и рот. Запах был невыносимым. На женское отделение лагеря я пробралась без проблем, но пришлось идти под стенами бараков впритык. Некоторые вышки не пустовали, а меня в темноте могли принять за беглеца и пристрелить, не раздумывая. Подойдя к баракам, я стала петлять, прокладывая наиболее безопасный маршрут, пока не добралась до нужного мне здания. У входа дежурила пленница, переминаясь с ноги на ногу. Нужно было как-то к ней обратиться, не вызывая подозрений. Лучше всего было сделать вид, что я совершенно законно пришла сюда по срочному делу. Все-таки я была служащей лагеря, тем более не узницей.

– Здравствуйте. Мне нужна Клара Штерн. Она обитает здесь. Найдите ее и выведите ко входу, только тихо, никому ни слова. – Мой голос был спокоен, но тон был повелительным.

Пленница с зеленым треугольником на груди сомневалась секунды две, потом посмотрела на мой халат под пальто и скрылась в темноте барака. Я прождала минут 5, когда услышала шаги. Та же узница оказалась в дверном проеме вместе с сонной Кларой, которая, впрочем, уже успела напугаться при виде меня.

– Ступайте пока в барак, спасибо. Клара вас позовет на пост, когда мы закончим.

Мне не нужны были лишние уши. Женщина снова помедлила, потом зашла внутрь. Я отвела Клару как можно дальше от выхода, но за угол мы не зашли, потому что так нас сразу бы увидели охранники. Женщина в недоумении смотрела на меня, не зная, чего ожидать.

Я взяла ее за руку, чтобы мы обе успокоились.

– Вы Клара Штерн, верно?

– Да, – тихо сказала она.

– Вы работаете с документацией в лагерной канцелярии?

– Да. Я чем-то завинила? – она не сводила с меня испуганных глаз.

– Клара, мне очень нужна ваша помощь. Помогите, пожалуйста. В долгу я не останусь, обещаю.

– Что вы хотите от меня? – в ее голосе мне послышалась какая-то обида, как мне показалось.

– Клара, пожалуйста. Выслушайте меня и не бойтесь. Хорошо? – я заглянула ей в глаза, хотя ее черты лица едва виднелись, настолько было темно. – Поешьте, пока я буду говорить.

Я вытащила из-за пазухи еду и протянула ей. Глаза женщины округлились, она сразу же протянула трясущиеся руки к продуктам, но враз застыла.

– Ну же, смелее. – Я вложила молоко и хлеб ей в руки.

Она без церемоний тут же накинулась на еду. Хлеб она откусывала очень осторожно над ладонью, чтобы крошки падали на нее, а не на землю. Я смотрела на это, и мне становилось так ее жаль, так хотелось обнять ее, я едва не забыла, зачем пришла.

– Так вот, – я сглотнула, – я знаю, что у вас в распоряжении есть списки всех, кто прибывает в лагерь. Да?

Женщина кивнула и я продолжила.

– Мне нужен человек по имени Януш Корсак. Поляк. Если это упростит поиски, то был он в лагерь приблизительно в начале 1941. Скорей всего его поместили, как политзаключенного. Но это не точно. Мне нужно знать, поступал ли такой, хотя я почти уверена в том, что поступал. Еще вы должны узнать, что с ним сейчас, жив ли он, какой его лагерный номер, в каком бараке он живет, если возможно, на какую работу назначен. В этом ли Аушвице он вообще? Я знаю, это много, но мне важно найти этого человека и убедиться, что с ним все в порядке.

Клара взялась за молоко. Пила его осторожно, отрываясь после каждого глотка. Хлеб она съела далеко не весь. Остатки она замотала в платок и положила в карман. Одетая узница была вполне сносно, что еще раз подтверждало то, что люди на определенных должностях могли позволить себе больше в еде и одежде. Я смотрела на ее манипуляции, заметив, что за ней наблюдают, она ответила, что это – для ее сына, они видятся время от времени.

Я не уверена была, что за едой она вообще слушала, о чем я говорю, поэтому я заставила повторить имя Януша. Она, на удивление, в точности передала мой монолог.

Мы договорились о том, когда смогу узнать о результатах поиска и уже начали было продвигаться ко входу, но тут я остановила ее и сказала:

– И еще одна просьба. Узнайте о номере 131 174 и его семье. Они прибыли вместе. И никому ни слова!

Время шло, я решила не бездействовать и просто шататься по лагерю, а напросилась помогать акушеркам. Детей тут рождалось прилично. Много беременных уже поступало сюда на поздних сроках.

Я рада была помогать, пока не узнала, что случается с новорожденными. Оказывается, что почти всех их зверски убивали без капли жалости. Были конечно и такие, которых оставляли, но смертность у них тоже была высока.

Простейшие антисептики отсутствовали, тем не менее, роженицы оставались живы, почти все дети тоже, и это было просто чудом. Родившие женщины плакали и кричали, чтобы их детей не трогали и не забирали. Задолго до родов они выменивали свои ничтожные кусочки хлеба на лоскуты ткани, которые служили бы младенцам вместо пелёнок. Никто не хотел заниматься грудничками и обеспечивать рожениц всем необходимым. До них никому не было дела.

Сначала я просто помогала принимать роды и, как могла, облегчала условия роженицам. Иногда, после ухода акушера, я приносила им куски ткани. Я находила их на складах, либо брала что-то из собственных пожитков, обматывалась ими под халатом, и так проносила в бараки. Опять же в ход шли спрятанные мной куски хлеба и все, что только можно было сохранить и транспортировать. Каким же плачевным было состояние женщин, которые переживали огромный стресс и боялись не только за себя, но и за жизнь своего ребеночка.

Но потом я стала свидетелем того, как новорожденных с уже поставленным клеймом на ножках, топили в бочке с водой. И когда малыши захлёбывались, их просто кидали подальше от бараков, где с ними расправлялись крысы. Господи, это было самым ужасным, что я увидела здесь. И вообще за всю свою жизнь. Мне хотелось орать, биться, спасти этих деток, хотелось накормить их, обогреть и унести прочь отсюда, от этих чертовых мучителей. Несколько дней я постоянно плакала, при начальстве на работе я стояла с опухшими красными глазами и не могла сконцентрироваться на элементарных действиях. Мысли вновь и вновь возвращались к маленьким ручкам и ножкам – перед глазами стояла та бочка с водой и бульканье грудничков. Маленькие ангелочки, которые не успели в этом мире ничего, которые только родились, но им не судьба услышать запах мамы и ее молока, были виновны только в том, что они – евреи, цыгане или просто негодные неработоспособные души лагеря. Меня трясло и выворачивало наизнанку, руки дрожали. Эти дни я вообще ничего не ела, аппетит пропал. Я не могла приложить ума, как можно было спасти детей?

Я заставляла себя вновь и вновь подыматься с утра и идти в эти ненавистные бараки, одевать на себя маску безразличия, иначе мою подавленность расценили бы тут, как слабость и вышвырнули бы меня отсюда подальше. Я должна была держаться. Только здесь я могла хоть чем-нибудь помочь и лихорадочно искала пути выхода. Я столько пробыла здесь, но не сделала ничего полезного для этих людей.

Однажды, я вне себя кинулась останавливать утопление младенца, но на меня тут же накинулась надзирательница свирепого вида и ударила меня плетью по рукам, когда я тянулась к ребенку. От неожиданности я оступилась, и жгучая боль прожгла мои руки. Земля моментально оросилась моей кровью. Я обернулась к этой мегере и, не помня себя от злости, собралась кинуться на нее, хотя она была втрое больше меня.

Но тут сзади меня обхватили чьи-то руки, а сбоку подбежала Агнет, что-то крича, только я не могла понять что. Несколько надзирательниц прибежало на шум, но увидев ту женщину, что ударила меня, резко останавливались, не зная, что делать, как будто боялись чего-то. Я не упиралась, и меня быстро вывели с этой части лагеря. Когда та толпа скрылась из виду, хватка ослабла, и я увидела, что меня держал молодой охранник, лет 22—23. Я уже несколько раз сталкивалась с ним, но не знала, как его зовут. Он был высокий, стройный, рыжий с россыпями веснушек по всему лицу и шее. Он с опаской поглядывал на меня, пока Агнет все время шла рядом и жужжала о чем-то. Оказалось, эта вышибала – Ирма – была главной надзирательницей женского лагеря. Все узницы, да и другие ее подданные ходили в страхе перед ней. Ирма была очень жестокой. Это я уже знала и сама. Я вспомнила, как две надзирательницы говорили о ней за обедом. Сильная, кровожадная, она просто таки обожала издеваться над заключенными: била их за просто так, травила собаками, могла даже выстрелить в кого-то. Сама отбирала женщин, которые пойдут на казнь. За такое старание она слыла любимицей начальства Освенцима. Такие люди были им нужны, а не мямли, вроде меня. Поэтому портить отношения с ней никто не хотел и ясно, почему.

А я испортила. Хорошо, что я была не в ее подчинении, иначе исход конфликта мог быть печальным. Для меня. Что будет дальше, я не знала. Но рыжий парень сказал, что волноваться пока не стоит. Она подняла руку на персонал лагеря, на свиту Менгеле, а это было проступком. Поэтому вряд ли бы она стала докладывать о случившемся, тем более что свидетелей было много. Но Агнет осторожно возразила, что на короткой ноге с начальством можно оправданно лупить кого угодно.

Мы дошли до барака номер 10, я нянчила свои руки, раны оказались довольно глубокими. Нужно было срочно их продезинфицировать, здесь можно было подцепить все, что угодно. Мне не хотелось свалиться с какой-нибудь инфекцией. Рыжий отделился раньше от нас и направился к посту, потом и мы разошлись в разные стороны: Агнет уже опаздывала на селекцию.

Помогая роженицам, в блок номер 10 я почти не заходила. Не было времени, да и с Томасом пересекаться не хотелось. Хотя Фишер тоже в основном перебивал в экспериментальных помещениях. Он оказался трусом ничем не лучше остальных нацистов. Я все еще была зла на него.

Перемены, которые произошли за короткое время в этом блоке, меня просто поразили и мигом отрезвили после мыслей об Ирме и Томасе. Больными были набиты почти все палаты. Некоторые из них отвелись женщинам, другие – близнецам, третьи занимали молодые парни разных национальностей. Я зашла в палату к женщинам. Многие безучастно лежали. И я поняла, что их бесполезно о чем-либо спрашивать. На койке у окна я увидела женщину, которой несколько дней назад отдала тапочки со склада. Она каждый день ходила на стройку в разорванных и стертых башмаках, ранила ноги о мелкие камни. После нее на земле оставался кровавый след, но она шла и шла каждый божий день, сцепив зубы. Потому что если бы остановилась, ее расстреляли бы на месте.

Теперь она была здесь. Я тихо пробралась сквозь койки, кровь еще медленно капала из моих ран, и дошла к ней, осторожно села с краю и посмотрела на нее. Ее глаза встретились с моими, и она какое-то время пыталась вспомнить меня.

– О-о, это вы... – начала она.

Я сразу же приложила палец к губам и повернулась через плечо посмотреть, никто ли не слышит нас.

– Что вы здесь делаете? – спросила я, – вы болеете?

– Ох, милочка. День назад меня и несколько других женщин забрали из барачков и поселили здесь. Сказали, что будут лечить.

– От чего лечить, вы больны? – переспросила я.

– Нет-нет, как раз выбрали самых здоровых из нас, – она облизала губы, – нас поставили под какой-то машиной. Я ничего не почувствовала. Тот доктор говорил с другим, я слышала что-то об облучении, но с нами все хорошо, правда начались недомогания...

Я остановила женщину, коснувшись ее руки. До меня понемногу доходило то, что происходило. Помочь ей ничем я уже не могла. Я улыбнулась ей, насколько можно выдавить из себя улыбку, и встала с кровати.

– Здесь лучше кормят, – сказала женщина, – только вот сушит меня, вы не могли бы...

– Я сейчас.

И я пулей вылетела из палаты. Пробегая мимо палат с мужчинами, я только кинула взгляд в их сторону и увидела окровавленные простыни у некоторых. Я не остановилась, прошла в подсобку, налила в чашку кипяченой воды и выбежала снова в коридор. Мимо как раз проходила уборщица – одна из заключенных. В дальнем коридоре показалась Лорелей. Я подошла к уборщице и приказала отнести воду больным в палату номер 3. Она ошарашено посмотрела на меня. «Ну, давайте, идите же», – раздраженно ляпнула я, а сама погналась за Лорелей.

Она собиралась войти в другую палату к женщинам. На ней был такой же белый халат и чепец, как и на мне. Вид у нее был довольно неплохой, румяная с подкрашенными губами она выделялась на фоне худых серых лагерных людей. Да и на нашем фоне она выделялась тоже.

– Лорелей, – окликнула я ее.

Она остановилась и посмотрела в мою сторону. Сначала она явно меня не узнавала, но когда я подошла ближе, она помахала мне рукой.

– Неважно что-то ты выглядишь, – она кинула на меня оценивающий взгляд. – Что это? Какой ужас. – Девушка взяла меня за руку.

Тут я вспомнила о своих ранах, хотя боль еще не унималась. Кровь уже перестала стекать по рукам и начала сворачиваться по краям поврежденной кожи.

– Да так, – я спрятала руки, – ты не скажешь, что тут происходит?

– Пошли!

Она потянула меня в палату. Женщины, лежавшие здесь, стонали все до одной, метались по кровавым простыням в жаре, другие свернулись калачиком, одна сидела и бормотала себе что-то под нос.

– Доктор испытывает новые методы стерилизации.

Ко мне несколько минут доходил смысл ее слов, пока она осматривала цыганку средних лет и делала ей какой-то укол. На других женщин она даже не посмотрела. Когда мы вышли, я все еще не знала, какой вопрос задать следующим. Потом не выдержала.

– Какие еще новые методы?

– Ну..., – протянула Лорелей, – троим из них в матку ввели кислоту. Двоим просто вырезали все детородные органы, а та палата, – она показала рукой на палату, в которую заходила я, – тем доктор дал большую дозу облучения. Теперь будет их изучать.

– Что, что это такое? – я посмотрела на нее сверху вниз. – Как это, ввели кислоту? Он в своем уме. Это же летальный исход!

– Тише ты! – она потащила меня за угол и посмотрела по сторонам. Я тяжело дышала, кровь пульсировала у меня в висках и начиналась мигрень. Все было как будто во сне. Я не могла поверить, что все происходит на самом деле. Где-то из операционного блока доносились мужские крики.

Лорелей продолжила тихим голосом.

– Ты что себе позволяешь, Николетта? Перестань, тут законы справедливости и человечности не действуют. Ничего и никто этим людям уже не поможет. Они обречены, понимаешь? Отсюда их вынесут либо мертвыми, либо живыми, но в крематорий. Просто делай свою работу и задавай поменьше вопросов. Ясно? – она гневно посмотрела на меня, вышла из-за угла и пошла прочь. А я осталась стоять в тени коридора. Теперь мне срочно нужно было поговорить с Фишером.

Вечером следующего дня за ужином я не могла унять дрожь в руках, перемотанных бинтами. Сегодня я должна была встретиться с Кларой. Какую плату ей предложить за то, что она сделала? Я могла дать ей только еду или одежду. Еще у меня были деньги, но они тут вряд ли бы ей сильно помогли. Позавчера мне удалось незаметно забрать со стола нарезку колбасы и полбуханки хлеба. Сегодня же я высматривала сыр и молоко.

На вопросы о моих бинтах, я говорила, что обожглась, и все сразу забывали о них, переводя разговоры на тему новых кинолент и аномально жарком лете. Пустая болтовня, праздное шатание после отбоя. Эти охранники напивались до беспамятства, шныряя по территории лагеря в поисках жертв в пьяном угаре. Они ржали, как лошади, много курили, ставили пластинки и танцевали, приглашая женщин и девушек из персонала на танцы. Они мне были противны, и я часто уходила раньше всех, шла в ванную, безуспешно пытаюсь смыть с себя лагерь, грехи и весь прошедший день.

Я часто думала о том, что дни идут, и этот день позади, а я так ничего и не сделала, совершенно никому не помогла, бесполезно слоняясь по лагерю. Там находились тысячи людей, я была в состоянии помочь хотя бы одному из них. Но не помогла. Никому.

Переодевшись в темную одежду, я вышла из дома со спрятанной едой и пошла в сторону лагеря. На мне был чепец медсестры, чтобы охрана не сомневалась, что я бегу на дежурство и очень сильно опаздываю, так как подменяю заболевшую подругу. История прокатила, и меня впустили на территорию.

Дальше я быстро зашагала через бараки к своему больничному блоку, пока охрана не скрылась из виду, потом резко повернула и пошла под самыми зданиями, как в прошлый раз. Мне хотелось бежать со всех ног, но я сдерживалась и не забывала о бдительности. Руки под бинтами потели, комары роились огромными кучами около фонарей. Я представила себе,

как они досаждают узникам. Мухи и комары тоже были огромной проблемой для несчастных людей.

Наконец-то я дошла. На вахте стояла уже другая женщина. Я снова спросила Клару, но не успела больше ничего добавить, как тут же она и показалась. Видимо, женщина готовилась ко встрече и решила ждать рядом с дверью.

Но в этот раз наше свидание было коротким. Она запихнула мне в руку крохотный клочок бумаги: «Здесь все, что я только смогла найти».

Я крепко сжала эту записку, она жгла мне руку. В ней были ответы на мои вопросы. С ней решилось бы, стоила ли игра свеч.

– Не знаю, как мне теперь вам отплатить, за то, что так рисковали. Вот пока вам продукты, но знайте: теперь по любому поводу обращайтесь ко мне. Пожалуйста, просите. Если меня не будет видно, вы можете передать мне записку через медсестру Агнет, она часто бывает здесь. Такая высокая, светленькая. Я на вашей стороне, помните.

Я сжала ее руку, потом мы быстро дошли ко входу в здание и разошлись – я в темноту ночи, она – в темноту барака.

Домой я идти не рискнула, ведь по легенде я была на дежурстве. Да и смысла возвращаться не было. Я осторожно проскочила караульных и вошла в 10 блок. На вахте сидела юная немка и дремала. Когда она услышала меня, то немного приподнялась и прищурила глаза. Увидев меня, девушка кивнула мне и снова погрузилась в полудрему.

Я обрадовалась, что она не стала приставать с расспросами и прошмыгнула в каптерку. Сердце бешено колотилось, руки тряслись, я несколько минут собиралась с мыслями. Тянуть дальше было некуда, я развернула бумажку и начала в полумраке присматриваться к бисерному почерку на крохотном листочке.

Там было всего четыре строчки:

*«Янчи Корсак. 13567. Жив! Бар. №13
131 174 Остап Коваленко. Украина
Дети 131 175 Иван Коваленко, 131 176 Надежда Коваленко
Барак 114. О матери ничего».*

На следующий день на работу идти не пришлось, я сделала вид, что просто пришла пораньше. Заглянула в палату к той знакомой мне женщине, но ее там уже не было. И остальных тоже. Здесь лежали уже новые люди. Я пошла в мужские палаты. Многие спали, некоторые уже проснулись и увидели меня. Один юноша очень страдал. У него был жар, я подошла к нему и спросила напрямую, что ему сделали.

– Он не говорит по-немецки! – услышала я голос с противоположной стороны помещения. Это сказал мужчина лет 35. Он сидел на койке, прислонившись спиной к стене и свесив одну ногу с кровати.

– Рука, – продолжил он, кивнув в сторону юноши.

Я молча взяла его руку, развернула и увидела нагноение. Туда явно что-то вшили специально, но что, я понять не могла. Пользуясь моментом, пока утренняя больница пустовала, я дождалась, пока дежурная немка уйдет куда-то, сняла ключ от манипуляционной, и помчалась туда. Времени было мало. В помещении царил полумрак, но я не включала свет. Я нащупала шприцы, нашла на ощупь жаропонижающие, закрыла дверь на ключ и понеслась обратно.

В палату я влетела уже с готовой инъекцией. Парень не сопротивлялся, он не боялся меня. Но я все равно объяснила ему, что укол снимет жар.

Выйдя из палаты, я сунула использованный шприц себе в карман, ампулу я выкинула еще по дороге сюда, раздавив ее, чтобы никто ее случайно не увидел. Я решила выйти на крыльцо отдышаться, но тут в дверях показался Менгеле. Я остолбенела.

Доктор был, как всегда, безупречно одет, причесан. Я не знала, что он стал приходить так рано на работу.

– Добро утро, фрейлейн Николетта!

– Доброе утро, доктор.

Я не знала, что говорить, когда он спросит, что я здесь делаю. Но ему по всей видимости не было никакого дела до того, кто и когда дежурит. Его внимание привлекло другое.

– Что это у вас, – он кивнул на мой карман, где отчетливо оттопыривался шприц. Вот теперь мне точно пришел капут, подумала я. – Неужели вы решили заняться лечением больных?

Он подошел ко мне ближе и достал шприц из кармана.

– Зачем вам шприц, Николетта?

– Я...у меня сильные мигрени бывают... иногда. Я очень мучаюсь, но уколы морфина мне помогают.

– Что ж вы так не бережете себя?

– Я совсем не...

– Послушайте меня внимательно, Ника. – Голос стал резок. – Просто так брать лекарства и колоть себе или кому бы то ни было, – он сделал акцент на слове «кому», – не выйдет. Если вам нужно лекарство, подходите ко мне или Томасу и просите. Иначе у нас с вами будет другой разговор. Ясно? – и он улыбнулся своей редкозубой улыбкой.

– Простите, я поняла.

Я кивнула, опустила голову и бегом кинулась в свою каптерку. На улицу как-то расхотелось. Коленки дрожали, в голове стучали тысячу молоточков, казалось, сердце выпрыгнет из груди. Я чуть не попалась. Точнее, попалась, но мне повезло. Как меня надоумило раздавить и выкинуть пузырек с жаропонижающим, я не могла представить. Что это, как не везение?

Через полчаса я услышала крики и стоны со стороны бараков. Я еще никогда не видела, как начинается утро здесь, среди заключенных. Я подлетела к окну и стала наблюдать картину: эсэсовцы с прикладами залетали в бараки, а через несколько секунд оттуда вытягивали сонных и напуганных людей. Выталкивали, били, хватали за шиворот, ударяли о стены. Некоторые люди даже не успевали обуться. Им сразу приказывали выстроиться в шеренги по пять человек на переключку. Я отвернулась от окна. Я никак не могла привыкнуть к этой ненужной жестокости, и, наверное, никогда бы и не смогла. Мне было о чем подумать.

Пока еще не пришли остальные медсестры, я села за небольшой стол, за которым состоялся ранее наш разговор с Томасом, и развернула записку. Я еще раз пробежала глазами по строчкам. Первая была самой главной. Она подтверждала, что Януш здесь, жив и здоров. Напрягло меня то, что он жил в бараке номер 13. Насколько я знала, в этом бараке обитали только члены зондеркоманды. В нее набирали лишь евреев, почему там оказался Януш, я не знала. И поэтому я не видела его в лагере. Эти люди живут отдельным государством, постоянно заняты на крематориях и в газовых камерах. Если он действительно был в зондеркоманде, то мне следовало очень поторопиться, потому что это была самая адская работа во всем лагере. Я вообще не понимала, как Януш на ней держится: он был интеллигентом до мозга костей, учтивым, но твердый характером. Он не был из робкого десятка, за что и поплатился, попав сюда. Самое главное, я теперь знала, где

его искать. Но вот что сказать ему, я не знала. Как сообщить о Доминике, если я сама не верю в то, что он уже давно мертв?

Как вытащить его отсюда и согласится ли он на мою помощь. Он был упрям, и я не могла сказать наверняка, чем обернется наша встреча. Решив, что подумаю об этом позже, я перешла ко второй части записки. Я специально попросила Клару найти эту семью с девочкой-ангелочком, которую стригли у меня на глазах. Они меня зацепили, я не хотела терять их из виду, мне нужно было их защитить и оградить от возможных неприятностей здесь. Они были еще

такими маленькими. Да, у них был отец, возможно, сюда привезли их мать. Но если о ней нигде не упоминается, значит, ее могли отправить с вагона прямо в газовую камеру. Как эти дети были живы после селекции и почему были с отцом вплоть до самого расселения, оставалось только догадываться. При мысли о том, что эти дети могут остаться круглыми сиротами, мне слезы навернулись на глаза, но я быстро прогнала это чувство, не время было распускать сопли. Ребят мне тоже нужно было найти. Я не знала, в порядке ли они, только раз мельком я увидела мальчишку среди других заключенных, но потеряла из виду.

От раздумий меня отвлекли посторонние звуки. Персонал уже собирался на работу. Я быстро спрятала записку себе под халат, подальше от чужих глаз, выдохнула и пошла работать.

На планерку пришел главврач. Томас сидел рядом с Менгеле, выглядел он плохо: мешки под глазами, сухая кожа. Он заметно похудел. Речь шла о том, что через час должен прибыть поезд с новой партией заключенных. Менгеле сразу приободрился. Он встречал почти каждый поезд с пленниками, выбирая себе жертв, помимо их сортировки. Его интересовали врожденные увечья, он до дыр изучал людей с патологиями; выискивал себе близнецов, как я позже узнала, для изучения их внутренних анатомических особенностей.

Потом я почуяла неладное. Все потому, что следующий поезд прибывал около двух часов ночи. На него Менгеле решили не будить, поэтому на сортировку врач приказал явиться Томасу и взять кого-то себе в помощь с медперсонала. Парень сразу же посмотрел на меня, в его глазах читалась паника, и я его понимала. Он напрямую должен отправить почти 70 процентов прибывших на смерть. Я отвела взгляд. Я уже знала, кого он возьмет себе в помощники. На выходе Фишер хотел что-то сказать, но я огрызнулась: «И так знаю, приду!»

День пролетел быстро, я зашла несколько раз в бараки к больным, занесла контрабандную еду. Лекарствами снабдить больных в этот раз не вышло. Я набралась смелости и прошла по некоторым обычным баракам, но там никого не было. Все были на принудительных работах. Выбегая из очередного блока, я увидела, как издали за мной, скрестив руки на груди, наблюдает Ирма. Увидев ее, я не остановилась и пошла дальше, но руки у меня снова горели. Ее присутствие меня слишком угнетало.

В женском отделении лагеря я наткнулась на беременную женщину, с которой мы пару раз общались. Она была из Польши, на ее робе – еврейская пометка. Вот-вот она должна была родить, и я время от времени снабжала узницу разным тряпьем на пеленки, а один раз набила потуже ее матрас соломой. На той пыли спать было невозможно, особенно в ее положении. Мне становилось страшно от осознания того, какая участь ждала ее ребеночка, который пока был жив и здоров в ее утробе. У меня уже созрел кое-какой план, но мне нужны были сообщники. Самостоятельно против этой громадной машины смерти пойти я не могла. Особенно так далеко.

В конце дня я задержалась в блоке номер 10, якобы для того, чтобы подтянуть кое-какие дела. Когда начало темнеть, я, набравшись храбрости, пошла к бараку №13. Сердце выпрыгнуло из груди, я так хотела встретиться с отцом Доминика, но так боялась, что не увижу прежнего Януша – это место меняло людей.

Подобравшись к бараку, я услышала бессвязное бормотание и отчетливый запах спирта. Да, у этих людей были привилегии в пище и питье за их адский труд. Но оно того не стоило. Я осторожно приоткрыла дверь, решаясь, заходить внутрь, или нет. Я ступила на порог барака, осматриваясь. Сначала с улицы мое зрение никак не могло привыкнуть к темноте этого помещения. Я пыталась проморгаться, выискивая знакомое лицо. Рядом кто-то отозвался.

– Вот те раз, – кто-то сказал на польском, потом послышался низкий мужской голос, скорей всего, это был румынский. Его обладателя я увидела уже, когда он вынырнул около моей руки и схватил меня за локоть. Он что-то спросил, но я не могла понять, что он от меня хочет. Несколько человек засмеялись, крепкий поляк обратился к этому румыну со словами

«ладно тебе, успокойся, оставь ее». Он отвел его в сторону. Еще какой-то поляк наконец-то догадался, что я здесь не просто так.

– Что вам нужно здесь?

– Я ищу одного человека. Януш Корсак его зовут.

На кружок света спустя несколько секунд вышел высокий человек. Он немного сутулился, но походка его была уверенной. Этот человек взял меня под локоть и повел к дальним нарам барака. Я шла в растерянности, а потом села там, куда мне указали. Сам он сел напротив.

– Януш я здесь один. Зачем я вам?

У меня округлились глаза. Передо мной сидел человек, выглядевший лет на 60. Полностью седая коротко остриженная голова, обычная одежда, как и у других членов зондеркоманды, что подчеркивало их привилегированность, красный треугольник на груди, на запястье номер. Номер Януша. Я перевела взгляд с его руки и посмотрела мужчине в лицо. Да, это точно был он. Но не похож на себя. Отец Доминика, которого я знала, был моложав, весел, статен. У него не было ни одного седого волоска, а голубые глаза были цвета неба. Но сейчас на меня смотрели выцветшие грустные глаза в обрамлении глубоких морщин. Щетина на подбородке, впавшие щеки, шершавые руки. Я рассматривала этого человека, не в силах принять реальность. Внешность его изменилась, но сломал ли его лагерь?

Я несколько раз открывала рот, пытаюсь начать разговор, но ничего не получалось, слишком велико было потрясение. Он явно меня не узнавал. Или не хотел узнавать.

Мой голос дрожал, когда я наконец-то заговорила уже по-польски.

– Януш, я хочу вам помочь. Если все пройдет удачно, мы сможем вытащить вас отсюда.

Теперь настала его очередь удивляться.

– О чем вы говорите вообще?

– Я знаю, это звучит странно, но вы здесь долго не прослужите. Я имею ввиду зондеркоманду. Вам нужно срочно делать ноги.

– Я знаю, что меня ждет, – как-то безразлично сказал он.

– Как вы можете спокойно к этому относиться? Я пересекла сотни километров, чтобы найти вас и вытащить отсюда, как того хотел Доминик!

Мои нервы уже были на пределе. Услышав имя сына, которое я лягнула, не подумав, мужчина как будто бы проснулся. Он схватил меня за руку, и я зашипела от боли в ранах.

– Простите, – он осекся, – вы сказали «Доминик». Вы знаете моего сына?

Я решила во всем сознаться.

– Да. Я не знаю, помните ли вы меня? Я Николь. Невеста Доминика. Мы познакомились в Польше в начале войны.

Он долго смотрел на меня, на мою форму. Наверное, я тоже успела измениться здесь за столь короткое время. Его наверняка удивило отсутствие нашивки на моем халате.

– Николь, – прошептал он, – что ты здесь делаешь?

– Тут я – Николетта. Ни слова никому обо мне.

– Но как...?

У него в голове не улаживалось, как я могу быть здесь перед ним, в лагере не в качестве узницы, еще и обращаясь к другим на чистом немецком.

– Об этом потом. Просто знайте, что я вас в обиду не дам.

Я не хотела сейчас рассказывать ему о своих незаконных манипуляциях и о том, в какое чудовище я здесь превратилась.

– Хорошо, согласился он. Так что на счет сына? Как он, как жена, Лукаш? Все бы отдал, чтобы увидеть их снова.

– Все хорошо, матери мы не сказали, куда вас направили. Лукаш пока с ней, пока это будет возможно.

– Это хорошо, у нее слабое сердце. Не нужно ей знать. А Доминик?

Я оттягивала этот момент, как могла, но медлить уже было некуда.

– Януш, спустя некоторое время после того, как вас арестовали, Доминик пошел добровольцем на войну. Его целью было найти вас любой ценой и освободить, вернуть в семью. Он вас очень любил.

– Любил? Что случилось, Николь, скажи? – его глаза посмотрели мне в самую душу.

– Примерно через год мне сообщили, что он подорвался около танка.

Мужчина вмиг на глазах осунулся. Взор затуманился, он смотрел в землю, а я не в силах была продолжить, сказать те слова утешения, которые заготовила заранее.

– Януш, я здесь, потому что вы мне отец тоже. Вы слышите? Тела его не нашли, прошло уже больше года, но я уверена, что увижу его снова. И вы верьте в это. Доминик не из тех, кто так просто уходит. Я уверена, сюда ворвутся войска, разнесут этот лагерь в прах и мы снова увидим Доминика.

Я плакала, пока говорила ему все это. Наконец мне было с кем поделиться своим горем. Я столько носила его в себе, переживала. Кроме Ханны, так откровенно о любимом я не говорила больше ни с кем. Мне стыдно было рыдать, но меня словно подменили, все слезы вырывались наружу, облегчая сердце и душу. Стыдно было плакать перед человеком, у которого было на сотню причин больше раскиснуть. Януш обнял меня. В его глазах тоже стояли слезы. Я не знаю, о чем он думал. Гордился ли он сыном? Ведь тот пошел на войну ради него.

Вдоволь наплакавшись, мы поговорили.

– Как вы тут?

– Плохо, Николь, это – самое ужасное место на земле. Понимаешь, я должен их убивать, обманывать. Они сняты мне по ночам. Трое из нас уже сошли с ума, двое – кинулось на электрическую ограду. Никому не пожелаю такого. Никогда.

Это съедало его изнутри, я видела это по его внешнему виду, по манере говорить. Человек был на грани.

Посидев немного молча, я уже собиралась уходить.

– Может вам нужно что-нибудь? Я смогу достать, все, что угодно.

– Нет, дочка, ничего мне больше не нужно. Все нормально.

Он сказал это с легкой улыбкой, но тон его настораживал. Я вышла с барака на воздух, наполненный удушливым дымом, условившись с отцом о новой встрече, и моя голова была переполнена мыслями о том, что же имел он в виду, когда говорил, что ему больше ничего не надо?

Перед приездом поезда нужно было хоть немного поспать. События и впечатления этих дней не давали мне отдохнуть. С мыслей не уходило лицо Януша. Слава богу, что его не видят таким родные. Они бы не вынесли этого.

Я долго ворочалась, вслушиваясь в разговоры девушек снизу. Мне не давала покоя и предстоящая селекция. Радовало лишь то, что не я буду делать вердикт и отправлять людей в газовые камеры. Их с весны прибавилось, как и крематориев, комендант обещал, что теперь они будут дымить чуть ли не сутками. От этого кровь стыла в жилах. Но Томас, я не могла забыть его взгляда. Он тоже был не в восторге, но деваться было некуда. Ослушаться – значит подписать себе смертный приговор.

Я проспала, наверное, чуть больше часа и проснулась в холодном поту. Мне что-то снилось, но я не могла сосредоточиться на том, что это было. Я глянула на часы. Было без пятнадцати два. Я быстро вскочила на ноги, оделась, накинула белый халат, и, забыв причесаться, вылетела на улицу, дрожа после сна. Добежав до колеи, я увидела, что поезд уже прибыл. Но он был каким-то странным, обычные вагоны стояли пустыми, внутри них все было залито чем-то темным. Мне не хотелось думать, что это кровь. Я оглянулась вокруг. В ряд стояли эсэсовцы, рядом с ними находились собаки, Томас тоже был здесь. Я направилась к нему, но меня резко

схватили под руки. Я дернулась, посмотрела, кто меня держит. Это были те узники, которых я видела в 13-м бараке. Я начала кричать, вырваться, их лица были искажены гримасами, руки перепачканы кровью. Ко мне подошел Фишер.

– Томас! Что это такое? Скажи, чтобы меня отпустили!

Но он только засмеялся, в глазах танцевали злые огоньки.

– Ведите их! – крикнул комендант, и меня потащили налево от поезда.

«Налево, налево!», – стучало у меня в висках. Этого не может быть. За что? Они узнали, что я полька? Что я эмигрантка? Почему в камеру? Нет! Я отчаянно вырывалась, но меня ударили в поясницу, и я беспомощно повисла на руках. Я решила оглянуться, кого еще ведут со мной и сердце остановилось: рядом вели маму и папу, далее были Януш и Агнет. Меня так и затрясло. Я хотела снова попытаться вырваться, но вспомнила, что могу на этот раз получить пулю в шею. Я была на грани истерики. Пот градом катился с моего лба, а я как в горячке перебирала варианты спасения.

Дойдя до здания с газовой камерой, нас затолкали внутрь. Мама и папа покорно сели на лавочку. Я только было кинулась к ним, как дверь камеры открылась, и оттуда почему-то повалил огонь. Я прикрыла глаза руками, чтобы не ослепнуть от искр и увидела, как кто-то направляется ко входу, в этот горящий ад.

– Нет!! – вырвалось у меня.

На мой крик человек повернулся. Вот теперь я точно почти умерла от потрясения: то был Доминик. Я уже не успела сообразить, что падаю, и ударилась головой о бетонный пол.

Тяжело дыша, я проснулась в холодном поту. Мокрая ночная рубашка липла к телу и неудобно перекрутилась. Я моргала глазами, пытаюсь понять, где я и что со мной.

В дверь ворвались мои девчонки.

– Эй, Ника, ты в порядке? – они посмотрели на меня, включив свет.

Не в состоянии что-то говорить, я кивнула. Девочки помедлили у двери, потом вышли.

Что же это? Настолько живых и ужасных снов мне еще не снилось. Я дрожащими руками нащупала часы и посмотрела на время. Было без десяти два. Пора вставать.

Я слезла с кровати, ноги подкашивались. Вытерев пот со лба, я накинула халат и пошла умываться. Ночь была очень душной. Впопыхах одевшись и с трудом застегнув пуговицы дрожащими руками, я вышла на ночной воздух. Дыма не было, и я глубже вдохнула, свежесть летней ночи подействовала успокаивающее.

Около железнодорожных путей уже стояли охранники и Томас. Он нервно прохаживался туда-сюда, потягивая сигарету. Я подошла и поздоровалась. Речь у эсэсовцев шла за какой-то склад. Я прислушалась. Мне было известно, что есть бараки на территории лагеря, отведенные под все вещи, которые отнимались у пленников. А их было немало. Люди везли с собой многое, ведь они думали, что их просто переселяют, поэтому на складах всегда было много барахла – посуда, чемоданы, игрушки, одежда, предметы гигиены, еда, деньги, драгоценности. Из-за последних двух позиций на сортировку вещей не стеснялись являться и охранники. Но так же там работали и узники, ведь таких барачков было около тридцати. Теперь Канада – собственно эти склады – дала мне надежду на спасение хотя бы нескольких людей.

Я не успела еще ничего обдумать, как показался поезд. Он был таким же, как и множество предыдущих. Внешне ничем не отличавшийся от обычных, внутри он был доверху набит измененными людьми. Перед глазами проносилась все та же картина. Людей поделили на мужчин и женщин с детьми. Томас решительно начал осмотр прибывших. Я заметила, что налево он отправлял как можно меньше людей, в основном совсем пожилых, инвалидов, тяжело раненных, кто бы и так попросту не прожил и дня здесь. Налево Томас не отправил ни одной женщины с ребенком. На детей даже не смотрел, а только молча подталкивал к матерям. У меня сердце заходило от радости, когда я видела очередную женщину, которая, по крайней мере,

сегодня еще побудет со своими детьми. Эсэсовцы не вмешивались, но искоса поглядывали на странную процедуру селекции. Я надеялась, что они свалят все на молодость и неопытность Томаса в этом деле и не станут придираться и рапортовать об этом старшим. Но даже то мизерное количество людей, которое сегодня-завтра должно было отправиться в крематорий, не давало мне покоя.

Подошла очередь отбора к одной женщине средних лет. Мне было неизвестно, какой она национальности. В этом хаосе я даже не могла расслышать, на каком языке общаются прибывшие. Она прошла мимо меня, очень стараясь не хромать, но мне сразу стало ясно, что с ней что-то не так. Я остановила ее и приподняла край ее длинной в пол юбки. У нее был протез. Не знаю, откуда он начинался, от колена или выше. Заканчивался ступней, обувой в обычную обувь. Если не приглядываться, то под юбкой ничего не было заметно. Я посмотрела выше и увидела на ее руке большую глубокую рану. Она была наспех перевязана, но повязка уже насквозь промокла от крови. Я быстро сориентировалась, оглянулась, никто ли не видит с охраны, и исподтишка оторвала полосу ткани от своей ночной рубашки, что была снизу под халатом. Я быстро перемотала ей руку, чтобы скрыть следы крови хотя бы на время. Потом поправила ей юбку и подтолкнула к правой колонне, крикнув «пригодна».

Сортировка была окончена, но почему-то обе колонны направились в сторону барачков. Один охранник спросил сопровождающего, мол, в чем дело? Тот ответил, что с Берлина еще не дошел приказ о зачистке. Тех, кто был здоровым, расселили в карантинах, а те, чья судьба еще не была определена, остались под открытым небом за решеткой. Они стонали, кричали, плакали, слушать это было невыносимо, ведь это мы их туда отправили.

Томас тоже страдал. По нему это было видно, его лицо покрылось испариной, но то и дело судорожно вытирал лоб тыльной стороной ладони и потирал виски. Он сделал все, что мог. Я развернулась и понеслась в блок номер 10. Прибежав к дежурной, я приказным тоном велела мне выдать иголку и нить для наложения швов. Она стала задавать вопросы, но я начала сочинять, что во время селекции цугангов на одного охранника напали и порезали ему руку. Она тут же смекнула, что лучше не медлить и выдала мне все, что было нужно. Я прожогом кинулась к карантинным женским барачкам. Но вспомнила, что узниц сначала поведут на дезинфекцию, и бросилась к санитарным блокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.